

БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩИЙ КУРС

БИБЛИОГРАФИЯ

Общий курс

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. А. БРИСКМАНА и А. Д. ЭЙХЕНГОЛЬЦА

Рекомендован Управлением учебных заведений Министерства культуры РСФСР в качестве учебника для библиотечных факультетов институтов культуры.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА» МОСКВА 1969

01(075.3)

Б59

Учебник по общему курсу библиографии предназначен студентам, изучающим этот курс в высших учебных заведениях Советского Союза.

Учебник дает представление о значении библиографии, ее содержании и формах библиографической работы, общих закономерностях ее развития; знакомит с историей, организацией и современным состоянием библиографического дела в СССР. Особое внимание уделено характеристике советских общих библиографических источников и библиографической работе универсальных библиотек.

Учебник подготовлен кафедрами библиографии Московского и Ленинградского институтов культуры. Авторы глав: первой — *И. В. Гудовицкова*, второй — *М. П. Бронштейн*, третьей — *М. А. Брискман*, четвертой — шестой — *Л. М. Равич*, седьмой — *Н. Г. Чагина*, восьмой — десятой — *А. Д. Эйхенгольц*, одиннадцатой — двенадцатой — *М. А. Брискман*, тринадцатой — *В. А. Николаев*, четырнадцатой — *А. В. Мамонтов*, пятнадцатой — *А. Д. Эйхенгольц*, шестнадцатой — *М. А. Брискман*, семнадцатой — *О. П. Коршунов*, восемнадцатой — *В. А. Николаев*, девятнадцатой — *А. В. Блюм*, двадцатой — *В. А. Николаев*, двадцать первой — *М. А. Брискман* и *М. П. Бронштейн*, двадцать второй — *М. А. Андреева*, двадцать третьей — *М. П. Гастфер*, двадцать четвертой — *А. И. Барсук*.

БИБЛИОГРАФИЯ

Общий курс

Редакторы *Л. А. Везирова* и *Г. И. Харитонова*

Художник *Б. А. Щербаков*

Художественный редактор *И. В. Печенкин*

Технический редактор *А. Ф. Казаченко*

Корректор *Н. И. Рубинчик*

А 06206. Сдано в набор 16/XII 1968 г. Подписано к печати 23/VI 1969 г. Формат бум. 84×108¹/₃₂. Типографская № 1. Усл. печ. л. 29,4. Уч.-изд. л. 29,5. Тираж 50 000 экз. Изд. № 145. Заказ 475. Цена 1 р. 21 к.

Издательство «Книга». Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10

Тульская типография Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109.

6-10

53-68



**БИБЛИОГРАФИЯ В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, УСИЛЕНИЯ КРЕПОСТНИЧЕСТВА
И ЗАРОЖДЕНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

Библиография в России, так же как и в странах Западной Европы, прошла долгий и сложный путь становления и развития.

Первыми памятниками русской библиографии нередко считают описи библиотек (великокняжеских, монастырских, патриарших), так называемые «указцы» и «списки истинных и ложных книг»; в соответствии с этой точкой зрения начало русской библиографии относится к XI веку.

Описи древнерусских библиотек были, как правило, лишь инвентарями, в которых книги нередко учитывались наряду с другим ценным имуществом. Назначение описей было служебным, и делу распространения книги они способствовали в очень малой степени. Поэтому, являясь ценнейшими источниками разрозненных сведений о древнерусской письменности, будучи источниками для библиографических разысканий, они имеют весьма отдаленное отношение к библиографии. «Указцы» — это аналитические росписи богослужебных книг. Материал в них располагался в календарном порядке годовых чтений в церкви; внешне напоминая библиографические указатели, они были, в сущности, лишь расписанием церковных служб. Естественно, что их также нельзя считать библиографическими трудами.

Иные общественные функции выполняли «списки истинных и ложных книг», обращавшиеся на Руси еще с XI века. Сначала они отражали греческую книгу, а с XIV века — русскую. Списки составлялись для борьбы с неугодной церкви апокрифической («отреченной») литературой, довольно широко распространенной на Руси, и с литературой «еретической». При этом, в отличие от ватиканских «индексов запрещенных книг», списки эти содержали и указания рекомендуемых церковью произведений, служили тем самым установлению круга чтения русского человека. Поэтому их надо считать несомненным фактом предыстории библиографии.

Книгопечатание, возникшее на Руси в середине XVI века, оказало воздействие на становление библиографии далеко не сразу. В начальный период книгопечатания издательское дело развивалось в Московском государстве медленно. Правительство и церковь, обладавшие монополией в типографском деле, мало способствовали изданию и распространению книг светского содержания, которые по-прежнему переписывались от руки. Рукописная книга продолжала бытовать и играла существенную роль и в XVII веке. Условий для развития библиографии, таким образом, еще долгое время не было, и за первые полтора столетия своего существования русская печатная книга не стала еще объектом библиографии. Первый библиографический труд, анонимное «Оглавление книг, кто их сложил», был создан, по-видимому, в 60-х годах XVII века. Он включал сведения о значительном числе (около 1800) произведений, в подавляющем большинстве — рукописных. Обращает на себя внимание тот факт, что в «Оглавлении...» не указаны книги, которые не могли не быть известны составителю (так, здесь мы не находим изданий даже Ивана Федорова). Назначение этого указателя остается до сих пор неясным, но предположение, что он был составлен применительно к нуждам Печатного двора, весьма убедительно. Обработка материала отличается высокой библиографической культурой. Однако и то, что «Оглавление...» имело, очевидно, служебное назначение, известно было крайне ограниченному кругу лиц, и то, что, оставаясь неопубликованным до середины XIX века, оно не смогло сыграть никакой информационной роли, делает его изолированным фактом истории русской библиографии.

Начало подлинного развития библиографии в России относится ко времени преобразовательной деятельности Петра I.

Библиография в первой половине XVIII века

Реформы начала века, коснувшиеся всех областей общественной и культурной жизни России, и все расширявшееся влияние светского мировоззрения вызвали глу-

бокие изменения в издательском деле. Государству понадобилась новая книга — техническая, научная, учебная. Впервые светская книга получает значительный перевес над религиозной. Исключительную роль сыграло введение в 1708 году гражданского шрифта, которым стали пользоваться для издания литературы светского содержания; за 17 лет, с 1708 по 1725 год, было напечатано около 300 книг по разным отраслям знания.

Однако новая, непривычная для русского читателя книга расходилась плохо, ее приходилось внедрять с большим трудом. Ее распространению и должна была служить возникшая в это время печатная библиография. Первая информация о вышедших в свет книгах была опубликована в 1710 году, в приложении к газете «Ведомости», под названием «Реестр книгам гражданским, которые по указу царского величества напечатаны новоизобретенною Амстердамскою азбукою по первое число нуня нынешнего 1710-го году». Список не отличался полнотой и не давал настоящих библиографических описаний; но как первенец русской печатной библиографии он представляет безусловный интерес. Опыт этот оборвался на первой публикации.

Со второй четверти XVIII века наблюдается некоторое оживление библиографической практики. Новые шаги русской библиографии связаны с деятельностью основанной в 1725 году Академии наук. Через два года при ней была открыта хорошо оборудованная типография, издания которой в течение ряда десятилетий определяли лицо русской печатной продукции. В 1728 году при Академии открылась и книжная лавка. Сразу же в «Санктпетербургских ведомостях» стали публиковаться объявления о продающихся книгах. С 1735 года Академия наук выпускает и отдельно изданные «рописи» книг.

С деятельностью Академии связано издание и первого печатного библиотечного каталога. В 1742 году ею был выпущен систематический каталог «Петербургской императорской библиотеки» (как тогда именовалась академическая библиотека), так называемый «Камерный каталог». Сюда были включены книги на русском и иностранных языках — всего более 15 тысяч названий. Поскольку русские книги в этом каталоге были описаны в переводе на международный научный язык того времени, латинский, то потребовалось второе издание этой части

каталога, уже на русском языке. Русский «Камерный каталог» вышел между 1742 и 1747 годами. В нем указано около 400 печатных и 300 рукописных книг.

Библиография во второй половине XVIII века

В середине 50-х годов XVIII века русская библиография вступает в качественно новый этап своего развития, отражая общий подъем культуры и науки в стране. Определенный отпечаток на характер библиографии второй половины века наложила правительственная политика просвещенного абсолютизма. Большое значение для успехов библиографии имело развитие русского просветительства. Непосредственно же эти успехи были вызваны значительным ростом книгопечатания и созданием первых русских журналов.

Расцвет книгопечатания в 60-х годах связан с деятельностью научных обществ и учебных заведений, а позднее, с 1783 года, — с возникновением частных типографий. Многие книги стали издаваться небывалыми до тех пор тиражами. Некоторые новиковские издания выходили тиражом в 5—10 тысяч экземпляров. Это свидетельствует о значительном расширении читательской аудитории, что в свою очередь явилось стимулом для развития библиографии.

Новому читателю нужна была не только информация о вышедших книгах, но и их оценка. Этой задаче отвечала критико-библиографическая информация на страницах периодических изданий.

В 1755 году возникает первый общедоступный русский журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», и с этого времени периодические издания постепенно завоевывают все более прочное место в общественной и культурной жизни России.

Появление библиографии на страницах периодических изданий и первые попытки создания библиографической периодики знаменуют выход библиографии на широкую общественную арену. С 60-х годов начинается расцвет журнальной библиографии, наиболее популярной и авторитетной библиографии в России, — от первых рецензий в «Ежемесячных сочинениях...», через Н. И. Новикова,

Н. М. Карамзина, критиков-декабристов, Н. А. Полевого и Н. И. Надеждина — к революционным демократам.

Во второй половине века возникают и другие виды библиографии. Издаются первые отраслевые труды, делаются попытки создания общей библиографии русской книги, выходит первый на русском языке библиографический словарь.

Реакция, наступившая в 90-х годах, затормозила развитие русской культуры. В 1796 году были закрыты частные типографии, резко приостановился рост книжной продукции. Та же участь постигла и периодические издания. Если к началу 90-х годов выходило одновременно до 15—16 названий журналов, то к концу века их число падает до пяти. Эти обстоятельства пагубно отразились и на развитии библиографии, которая во второй половине 90-х годов XVIII века почти прекращает свое существование.

Книготорговая библиография

Возникновение множества типографий, продукция которых нуждалась в сбыте, стимулировало появление «росписей» и «реестров». Исследователями учтено более 200 отдельно изданных книготорговых каталогов XVIII века. Среди них на первом месте по количеству и по содержанию стоят росписи Н. И. Новикова и организованной им Типографической компании, печатавшиеся в сотнях и тысячах экземпляров и распространявшиеся по всей стране. «Благородная натура этого человека, — писал В. Г. Белинский о Новикове, — постоянно одушевлялась высокою гражданскою страстию — разливать свет образования в своем отечестве. И он увидел могущественное средство для достижения этой цели в распространении в обществе страсти к чтению»*. Росписи Новикова выпускались не с коммерческой, а с просветительной целью и сыграли большую роль в распространении книги, в развитии книжной торговли, особенно в провинции, в расширении круга читателей.

Отдельно издаваемые росписи не были единственной

* В. Г. Белинский. Николай Алексеевич Полевой. — В кн.: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. 9. М., Акад. наук СССР, 1955, с. 671.

формой книготорговой библиографии. Значительное место занимали всевозможные объявления и списки, печатавшиеся в книгах, газетах и журналах. Своим качеством и действенностью выделяется книготорговая библиография в журналах Новикова; они широко расходились по всей стране, и помещенные здесь «рописи» становились известны большому числу читателей. Специальный отдел, оповещавший «о выходящих в России новых книгах с кратким показанием содержащихся в них материй», создан был в газете «Московские ведомости».

Однако большая часть книготорговых росписей и объявлений о продающихся книгах, в особенности в период реакции конца века, преследовала только коммерческие интересы и была весьма далека от каких бы то ни было культурных задач. Чрезвычайно показательно в этом отношении свидетельство авторитетнейшего современника — А. Т. Болотова. В его мемуарах «Современник, или Записки для потомства», в главе «О выдаваемых книгах и объявлениях об оных и злоупотреблениях при том бывших», нарисована выразительная картина состояния книготорговой библиографии конца XVIII века. Отмечая низкий уровень и спекулятивный характер многих объявлений о книгах, Болотов высказывает мысль о необходимости создания «критической библиотеки, или беспристрастной оценки книгам», то есть критико-библиографического журнала.

**Библиография
на страницах
периодических изданий**

В середине 60-х годов зарождается основной вид журнальной библиографии — критико-библиографическая информация с ее ведущим жанром — рецензией. Правда, в XVIII веке русская критическая мысль была еще слаба; тем не менее критико-библиографическая практика лучших журналов эпохи сослужила немалую службу делу развития и библиографии, и критики. Наибольшее внимание рецензированию вновь выходящих книг уделяли журналы «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» (в 1763—1764 гг.), «Собрание новостей» (в 1775—1776 гг.), «Санктпетербургский вестник» (в 1777—1781 гг.), «Московский журнал» (в 1791—1792 гг.), а также газеты «Санктпетербургские ведомости» (в 1776—1782 гг.) и «Московские ведомости» (в 1779—1789 гг.).

Самые первые шаги журнальной библиографии в Рос-

сии связаны с именем М. В. Ломоносова. В мае 1758 года он обратился в канцелярию Академии наук с проектом создания первого русского критико-библиографического журнала «С.-Петербургские ученые ведомости о делах ученых людей», к которому была приложена и подробная программа этого издания. В ней Ломоносов особо подчеркнул значение компетентного и объективного рецензирования литературы. Более обстоятельно эта тема была разработана в его же статье «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенных для поддержания свободы философии», написанной в 1754 году и напечатанной на французском языке в Амстердаме. Отвечая недоброжелательным зарубежным критикам своих произведений, Ломоносов в этой статье сформулировал требования к журнальной библиографии. Давая высокую оценку критико-библиографическим изданиям, которые помогают «быстрее распространять в республике наук сведения о книгах» и могут «очень благотворно влиять на приращение человеческих знаний», Ломоносов вместе с тем сетует на недобросовестность иных рецензентов, берущихся судить о предметах, мало им известных.

Журналист, рецензирующий научные книги, должен прежде всего быть в достаточной степени компетентным, «он должен хорошо усвоить учение автора, проанализировать все его доказательства и противопоставить им действительные возражения и основательные рассуждения, прежде чем присвоить себе право осудить его». Рецензент должен уметь «схватывать то новое и существенное, что заключается в произведениях», он должен, наконец, быть свободным от предубеждения и объективным: «не требовать, чтобы авторы, о которых мы беремся судить, рабски подчинялись мыслям, которые властвуют над нами»*.

Разумеется, эти высокие требования Ломоносова к рецензентам на практике осуществлялись редко. Важна, однако, сама постановка вопроса, обоснование принципов критического разбора.

Приступая в 1755 году к выпуску «Ежемесячных сочинений...», академик Г. Ф. Миллер обещал читателям

* М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч. Т. 3. М.—Л., Акад. наук СССР, 1952, с. 217-232.

в предисловии к журналу весьма обширную библиографическую программу. Он объявил о намерении редакции помещать сведения об «иностранных и здешней печати новых и полезных книгах». Однако только через несколько лет, с 1763 года, в отделе «Известия о ученых делах», стали публиковаться сведения о лучших книгах, «какие <...> у всех народов и на всех языках на свет выходят <...> с справедливыми о новых книгах рассуждениями». Таким образом, первый в России библиографический отдел в журнале ставил своей целью международный охват важнейшей литературы и ее оценку. Подобная программа была обычным явлением в практике европейских периодических изданий. За два года в журнале были помещены сведения о 439 книгах и журналах (из них 114 русских изданий) с более или менее обширными рецензиями. Если принять во внимание, что в это время в России ежегодно издавалось приблизительно 100—150 названий книг, то следует признать, что «Ежемесячные сочинения...» справлялись в общем с задачей информации о наиболее значительных отечественных изданиях. Что же касается характера рецензий, то они вполне соответствовали духу академического журнала, обязанного следовать правительственному курсу.

В 1777—1781 годах рецензирование русских книг было неплохо поставлено в «Санктпетербургском вестнике». За четыре года журнал опубликовал около 160 заметок о книгах. Впоследствии эту библиографию Н. А. Добролюбов характеризовал как довольно полную и дельную для своего времени.

Несомненный интерес представляет «Предупреждение» к первому номеру «Санктпетербургского вестника». Редактор журнала Г. Л. Брайко изложил здесь общие принципы рецензирования. Это, во-первых, объективность критики («не взирать ни на чин, ни на свойства, ни на славу авторов, но единственно на содержание и достоинство их произведений»); впрочем, Брайко тут же оговаривается, что при современном состоянии отечественной литературы, нуждающейся в поощрении, следует больше хвалить, чем порочить, — такого же мнения придерживался и Новиков. Во-вторых, это для оригинальных сочинений — сравнительная характеристика с другими книгами той же тематики («в чем наш писатель превзошел своих предшественников или в чем

от них отстал»), а для переводных произведений — оценка качества перевода и указание на книги «подобных тому материй», заслуживающие перевода на русский язык. Это, наконец, утверждение общественной значимости деятельности рецензента, обращенной и к авторам, и к обществу.

Уже в преддверии XIX века, в «Московском журнале» Н. М. Карамзина (1791—1792), «критическое рассмотрение русских книг» было поднято на более высокий уровень. Рецензии Карамзина, написанные в 90-х годах, представляют собой интересный памятник русской критической мысли, а библиографический отдел «Московского журнала» является одной из ранних попыток целенаправленного выбора книг, их рецензирования. Все это позволяет считать библиографический отдел «Московского журнала» существенной вехой на пути становления журнальной библиографии.

Кроме отдельных характеристик вновь выходящих книг, в журналах второй половины XVIII века изредка появлялись и аннотированные списки произведений, объединенных общностью назначения. Одним из любопытных опытов такого рода была помещенная в новиковском журнале «Детское чтение для сердца и разума» (1787, № 9) библиография лучших детских книг, отбор которых был чрезвычайно характерен для просветительских устремлений редакции.

В 70-е годы XVIII века были предприняты и попытки создания библиографической периодики.

Издатель первого такого журнала — «Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland» — Людвиг Бакмейстер, инспектор гимназии при Академии наук, ученый экономист и библиограф, ставил перед собой следующие задачи: 1) ознакомление зарубежных читателей и книготорговцев с русской литературой и достижениями русской науки; 2) информирование находящихся за границей русских людей о новых отечественных изданиях; 3) взаимный обмен изданиями и научной информацией между Россе́й и Западной Европой; 4) сбор материала для будущего историка русской культуры. «Russische Bibliothek...» выходила в течение шестнадцати лет, с 1772 по 1789 год. Описания книг транслитерировались латинскими буквами; аннотации и выписки печатались на не-

мецком языке. Всего в журнале было зарегистрировано 1123 единицы (книги, журналы, карты, ноты и т. д.). Указатель отличался высокой библиографической культурой.

Иной характер имел библиографический журнал Н. И. Новикова «Санктпетербургские ученые ведомости». Издание должно было охватывать национальную печатную продукцию и предназначалось как для России, так и для Западной Европы. «Ученый свет давно ожидает дани от нашего отечества: распространение наук в России и успехи в оных единосемцев наших во всех ученых европейских мужах ежедневно умножают любопытство к достоверному узнанию оных», — писал Новиков в предисловии к первому номеру журнала. Издатель просил читателей позволить ему «вольность благородных критики» и обещал соблюдать в рецензиях «крайнюю умеренность» и «благонравие». Критика Новикова касалась преимущественно особенностей языка рецензируемых произведений. Борьба за чистоту русского языка, которую Новиков вел в журнале, была для русской культуры чрезвычайно важна; рецензируя продукцию недочек, мнивших себя писателями и бравшихся за переводы серьезных книг, Новиков подчас забывал об обещанном благодушии и высмеивал их с самым едким сарказмом.

«Санктпетербургские ученые ведомости» оказались очень недолговечны: вышло всего 22 номера (январь — июнь 1777 года). Причину прекращения этого интересного начинания следует искать прежде всего в общих условиях эпохи; для издания подобного рода в России еще не было устойчивого круга читателей.

Биобиблиография

Первая печатная биобиблиография в России («Каталог» Селлия) появилась еще в 1736 году, но на латинском языке (см. с. 97). Широтой замысла отличался труд первого русского библиотекаря Академии наук А. И. Богданова (1693—1766) — «Краткое ведение о авторах российских, кто какие на российском языке издавал книги и разные переводы и тому следующее известие». В этой биобиблиографии, приложенной к работе Богданова «Краткое ведение и историческое изыскание о начале и произведении вообще всех азбучных слов» (1755), составитель попытался сгруппировать русских писателей по роду их деятельности (ле-

тонисцы, духовные писатели, авторы грамматик и т. п.). Биобиблиография Богданова была далека от необходимой полноты и к тому же осталась в рукописи. Однако работа эта показательна как пример интереса деятелей культуры второй половины XVIII века к жизни и творчеству отечественных писателей и ученых.

В 1768 году лейпцигский журнал «Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste» опубликовал составленное неизвестным русским путешественником «Известие о некоторых русских писателях с кратким сообщением о русском театре». «Известие...», включившее сведения о сорока двух писателях послепетровского времени, имело за границей большой успех и было дважды переиздано на французском языке (в 1771 и 1774 годах). В предисловии к первому французскому изданию составитель признавал, что «набросал эти строки на бумагу единственно по памяти, не имея под рукою решительно никаких книжных пособий».

Желание противопоставить неполному, «а инде не весьма справедливому», лейпцигскому «Известию...» более совершенный труд побудило Новикова предпринять работу по собиранию сведений обо всех русских авторах с начала образованности до 70-х годов XVIII века. Так был создан знаменитый «Опыт исторического словаря о российских писателях», вышедший в 1772 году и включивший более трехсот имен деятелей науки, литературы, искусства.

Движимый патриотическими чувствами, желанием «оказать услугу отечеству», представив полную картину русской культуры, Новиков включил в свой словарь, кроме прославленных писателей и ученых, также и молодых, начинающих и малоизвестных и даже вовсе неизвестных авторов.

«Опыт исторического словаря о российских писателях» ценен, в частности, тем, что в нем впервые на русском языке были опубликованы обстоятельные очерки жизни и деятельности М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Ф. Г. Волкова, В. Н. Татищева, Ф. А. Эмина, автора «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова и других деятелей русской культуры. Словарь Новикова пронизан горячей симпатией к простым людям. Здесь мы встречаем биографии механика-самоучки И. П. Кулибина и многих других, которые были дороги Новикову тем,

что выдвинулись не «знатностью породы», а «сами собою, своими качествами, своими трудами».

Некоторые характеристики Новикова отличаются тонкостью анализа и точностью оценок. Он предсказал большое будущее молодым тогда Д. И. Фонвизину и Я. Б. Княжнину, верно определил место В. К. Тредьяковского и М. М. Хераскова в русской литературе, дал в ряде случаев блестящий стилистический анализ произведений современников. Недаром Белинский считал, что словарь Новикова — «богатый факт собственно литературной критики того времени»*. «Опыт...» интересен и многочисленными помещенными в нем отрывками из произведений Феофана Прокоповича, А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова, В. И. Майкова, В. Г. Рубана и других авторов. При биографии Ивана Рудакова, набиравшего «Опыт...», приводится даже его стихотворение «К опыту исторического словаря о российских писателях».

Трудность собирания материала, ввиду отсутствия пособий и крупного национального книгохранилища, была причиной многих погрешностей, которые ощущал и сам составитель. «Должен я был бо́льшую часть наших писателей собирать по словесным только преданиям», — отмечал Новиков в предисловии к «Опыту...». Наиболее достоверными являются сведения о современниках Новикова, с многими из которых он был связан дружескими или деловыми отношениями как крупнейший издатель эпохи.

«Опыт исторического словаря о российских писателях» трудно назвать библиографией в современном понимании этого слова. Здесь мы не находим, например, библиографических описаний произведений Ломоносова, Сумарокова и других писателей. Более или менее оформленные библиографические перечни приложены только к биографиям Феофана Прокоповича, Тредьяковского и архиепископа Амвросия. Литературная продукция второстепенных писателей чаще всего характеризуется суммарно: «написал несколько од», «из стихотворств его известны песни, выданные два раза особливою книжкою» и т. п. В XVIII веке библиография как опреде-

* В. Г. Белинский. «Речь о критике...» А. Никитенко. — В кн.: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. 6. М., Акад. наук СССР, 1955, с. 321.

ленный жанр в России еще не сложился. «Опыт исторического словаря о российских писателях» дал толчок дальнейшему развитию этого вида библиографии.

Первые ростки отраслевой библиографии, появившиеся в XVIII веке, были связаны с нарождавшимся отечествоведением. Изучение России в историческом, экономическом и географическом отношении вызвало появление ряда научных трудов и составление первых достоверных географических карт. Эта продукция становится объектом возникающей отраслевой библиографии. Изданный еще в 1736 году в Ревеле на латинском языке труд Адама Селлия «Каталог писателей, сочинениями своими объяснявших гражданскую и церковную российскую историю», включил книги ряда иностранных и отечественных авторов по истории, географии и экономике России. В работе Селлия приводятся достаточно полные описания книг, по возможности указываются использованные составителем источники и т. п. В «Каталоге...» помещены и краткие биографические сведения об авторах; некоторые записи снабжены аннотациями.

Очень интересный обзор важнейших работ по русской истории был помещен Н. И. Новиковым в рецензии на книгу «Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен...». Здесь перечислены труды М. В. Ломоносова, Г. Ф. Миллера, В. Н. Татищева, А. Л. Шлецера и других историков. Этот обзор, опубликованный в «Санктпетербургских ученых ведомостях» (1777, № 7), был адресован будущим составителям истории России.

Первые шаги библиографии сельскохозяйственной литературы связаны с именами Н. И. Новикова и А. Т. Болотова. В журнале «Экономический магазин», выходившем под редакцией А. Т. Болотова и издававшемся Новиковым с 1780 года, печатались списки новых книг, иногда с краткими аннотациями. Дальнейшие опыты публикации библиографических материалов по сельскому хозяйству предпринимались Вольным экономическим обществом, которое занималось распространением полезных для землевладельцев научных и практических сведений. В 1789 году в журнале «Продолжение Трудов Вольного экономического общества» была опубликована довольно обширная библиография почти сплошь иностранной лите-

ратуры — «Известия о самых лучших книгах домостроительства».

Дважды были изданы в течение XVIII века указатели картографических материалов.

В 1789 году вышла брошюра А. К. Шторха, впоследствии видного ученого и библиографа, «Проект небольшой библиотеки, служащей к познанию Российской империи от наиболее отдаленных времен до наших дней». В эту аннотированную библиографию вошли избранные книги по истории, географии и экономике России, предназначенные для учащихся Сухопутного шляхетского кадетского корпуса.

Много библиографических сведений содержит «Драматический словарь, или Показание по алфавиту всех российских театральных сочинений и переводов...», вышедший в свет в 1787 году. Изданный «в пользу любящих театральные представления», этот словарь знакомил русскую публику с театральным репертуаром эпохи.

Рост национального самосознания русского общества, повышение интереса к отечественной культуре, успехи и потребности исторической науки, с одной стороны, расширение круга читателей, нуждающихся в систематизированной библиографии, — с другой, вызвали попытки создания общей ретроспективной библиографии русской печатной продукции.

Самой ранней и неудачной попыткой было второе приложение к упоминавшейся работе А. И. Богданова — «Обстоятельное ведение в России печатания типографским искусством, когда оное начало свое возымело, и сколько всех типографий, где оные доселе бывали и где имеются, и притом какие в них печатаны были книги».

В 1775 году в журнале «Собрание новостей» общество «любителей российского словесного учения» опубликовало обращение, адресованное ученым Петербурга, Москвы и Киева и содержавшее план полного каталога всех русских книг. Этот план дает отчетливое представление о библиографической культуре образованных русских людей того времени. Авторы обращения ставили задачу создания полного каталога книг, расположенных в систематическом порядке, так, чтобы книги по различным отраслям знания «вписаны были каждая в свой класс». В качестве более отдаленной задачи имелось в

виду и составление аннотированного репертуара, «дабы охотники могли иметь без дальнего труда о сих книгах точные и сокращенные понятия»*. Обращение предполагало также создание каталога иностранной литературы о России — «Rossica». Кто был автором обращения и существовало ли в действительности это общество — остается неизвестным; проект не был реализован.

В это же время над репертуаром русской книги работали Н. Н. Бантыш-Каменский и епископ Дамаскин (Д. Е. Семенов-Руднев).

Н. Н. Бантыш-Каменский (1737—1814), историк и археограф, собирал сведения о русской печатной продукции в течение ряда десятилетий. Его труд был своеобразной картотеккой, которая воспроизводила титульные листы книг в натуральную величину с полной копией их текстовых и графических данных. Картотека, так и не опубликованная, включала сведения о книгах с конца XVII до начала XIX века (сохранилось более четырех тысяч описаний, расположенных в алфавитном порядке). Работать над репертуаром Бантыш-Каменский начал, по видимому, в начале 70-х годов (может быть, даже и раньше), так как к 1776 году у него уже был готов список книг за предшествовавшие сто лет. Этот список (900 названий) был помещен в переизданной Бантыш-Каменским книге И. Ф. Бургия «Elementa oratoria» — распространенном в то время учебнике риторики.

Популярность книги Бургия обеспечила широкую известность и замечательному труду Бантыш-Каменского — самой крупной из опубликованных библиографий XVIII века. Работа Бантыш-Каменского выделяется еще и тем, что она была первой систематически расположенной русской библиографией. Н. Н. Бантыш-Каменский положил в основу своей схемы следующие разделы: 1. Филология. 2. История. 3. География. 4. Математика. 5. Медицина. 6. Философия. 7. Богословие. Это — продуманная и оригинальная переработка двух западноевропейских классификаций, переработка, подчиненная ясной педагогической задаче. Классификация Бантыш-Каменского по своему научному уровню выше некоторых схем следующего столетия. Она явилась характерным памятником философской мысли эпохи.

* «Собрание новостей», 1775, дек., с. 46—47.

Значительно более широкий хронологический охват имела работа, выполненная епископом Дамаскиным (1737—1795), видным деятелем культуры и просвещения XVIII века. Его «Библиотека российская, или Сведение о всех книгах в России с начала типографий на свет вышедших» включила русские книги с XVI века по 1785 год. Дамаскин считал началом русского книгопечатания деятельность Франциска Скорины, который издал Библию в Вильно в 1518 году. С этой книги Дамаскин и начинает свою «Библиотеку...». Дамаскин придерживался хронологического расположения материала. Описания книг — полные и точные, причем в большинстве случаев они сопровождаются аннотациями. Аннотируя книги, Дамаскин стремился не только раскрыть их содержание, но и указать особенности и дать сравнительную характеристику различных изданий одного произведения. Своеобразием этой работы является и указание места хранения книги. По глубине раскрытия материала «Библиотека российская...» — самый выдающийся труд эпохи. К собранному им печатному, а отчасти и рукописному материалу Дамаскин подходил как историк. Он хотел представить в своем труде картину книгоиздания в качестве показателя культуры каждой отдельной эпохи.

Выдающийся труд Дамаскина в свое время не увидел света, но был, очевидно, известен знатокам книги.

Дамаскин и Бантыш-Каменский были близко знакомы и, возможно, обменивались материалами. Появление в печати списка Бантыша способствовал Дамаскин.

Глава пятая

БИБЛИОГРАФИЯ В ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ И КРИЗИСА ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И НАЧАЛА РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ ПРОТИВ ЦАРИЗМА

Библиография в первой четверти XIX века

Разложение и кризис феодально-крепостнической системы, углубление процесса капиталистического развития определили в первом десятилетии XIX века политику

царизма, охарактеризованную В. И. Лениным как «заигрывание» с либерализмом.

Правление Александра I началось реформами в области просвещения. В 1801 году были «распечатаны» частные типографии, закрытые по указу 1796 года. В 1802 году было разрешено открытие новых типографий и ввоз иностранных книг, образовано министерство народного просвещения; в 1804 году открылись Казанский и Харьковский университеты, Петербургский педагогический институт, а затем ряд лицеев, школ и училищ. Правительство Александра I обещало «совершенную свободу тиснения».

Все это создало благоприятные условия для развития печати. Возобновляется интенсивная деятельность ряда издателей, появляются новые; расширяется издательская деятельность научных учреждений и обществ. Вновь возрождается и журналистика, почти совсем уничтоженная при Павле. Возникает много новых периодических изданий; некоторым из них было суждено сыграть значительную роль в развитии русской общественной мысли.

«Либеральный» период правления Александра I продолжался недолго. После 1812 года правительство окончательно вступило на путь реакции. Мракобесы обрушились, в частности, на Харьковский, Казанский и Петербургский университеты. Судьбы просвещения и культуры оказываются в руках реакционеров типа Магницкого и Рунича.

Однако в это же время, после Отечественной войны и заграничных походов русской армии, формируется идеология дворянских революционеров — будущих участников восстания 14 декабря 1825 года.

Несмотря на все препоны, декабристская мысль находила выражение на страницах печати. Под идейным воздействием декабристов находились журналы «Соревнователь просвещения и благотворения», «Невский зритель»; декабристы активно сотрудничали и в «Сыне отечества».

Выдающимся декабристским изданием был альманах «Полярная звезда».

В статьях литераторов-декабристов поднимались вопросы народности литературы, крепостного права, политических и экономических преобразований, развития

в предисловии к журналу весьма обширную библиографическую программу. Он объявил о намерении редакции помещать сведения об «иностранных и здешней печати новых и полезных книгах». Однако только через несколько лет, с 1763 года, в отделе «Известия о ученых делах», стали публиковаться сведения о лучших книгах, «какие <...> у всех народов и на всех языках на свет выходят <...> с справедливыми о новых книгах рассуждениями». Таким образом, первый в России библиографический отдел в журнале ставил своей целью международный охват важнейшей литературы и ее оценку. Подобная программа была обычным явлением в практике европейских периодических изданий. За два года в журнале были помещены сведения о 439 книгах и журналах (из них 114 русских изданий) с более или менее обширными рецензиями. Если принять во внимание, что в это время в России ежегодно издавалось приблизительно 100—150 названий книг, то следует признать, что «Ежемесячные сочинения...» справлялись в общем с задачей информации о наиболее значительных отечественных изданиях. Что же касается характера рецензий, то они вполне соответствовали духу академического журнала, обязанного следовать правительственному курсу.

В 1777—1781 годах рецензирование русских книг было неплохо поставлено в «Санктпетербургском вестнике». За четыре года журнал опубликовал около 160 заметок о книгах. Впоследствии эту библиографию Н. А. Добролюбов характеризовал как довольно полную и дельную для своего времени.

Несомненный интерес представляет «Предупреждение» к первому номеру «Санктпетербургского вестника». Редактор журнала Г. Л. Брайко изложил здесь общие принципы рецензирования. Это, во-первых, объективность критики («не взирать ни на чин, ни на свойства, ни на славу авторов, но единственно на содержание и достоинство их произведений»); впрочем, Брайко тут же оговаривается, что при современном состоянии отечественной литературы, нуждающейся в поощрении, следует больше хвалить, чем порочить, — такого же мнения придерживался и Новиков. Во-вторых, это для оригинальных сочинений — сравнительная характеристика с другими книгами той же тематики («в чем наш писатель превзошел своих предшественников или в чем

от них отстал»), а для переводных произведений — оценка качества перевода и указание на книги «подобных тому материй», заслуживающие перевода на русский язык. Это, наконец, утверждение общественной значимости деятельности рецензента, обращенной и к авторам, и к обществу.

Уже в преддверии XIX века, в «Московском журнале» Н. М. Карамзина (1791—1792), «критическое рассмотрение русских книг» было поднято на более высокий уровень. Рецензии Карамзина, написанные в 90-х годах, представляют собой интересный памятник русской критической мысли, а библиографический отдел «Московского журнала» является одной из ранних попыток целенаправленного выбора книг, их рецензирования. Все это позволяет считать библиографический отдел «Московского журнала» существенной вехой на пути становления журнальной библиографии.

Кроме отдельных характеристик вновь выходящих книг, в журналах второй половины XVIII века изредка появлялись и аннотированные списки произведений, объединенных общностью назначения. Одним из любопытных опытов такого рода была помещенная в новиковском журнале «Детское чтение для сердца и разума» (1787, № 9) библиография лучших детских книг, отбор которых был чрезвычайно характерен для просветительских устремлений редакции.

В 70-е годы XVIII века были предприняты и попытки создания библиографической периодики.

Издатель первого такого журнала — «Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland» — Людвиг Бакмейстер, инспектор гимназии при Академии наук, ученый экономист и библиограф, ставил перед собой следующие задачи: 1) ознакомление зарубежных читателей и книготорговцев с русской литературой и достижениями русской науки; 2) информирование находящихся за границей русских людей о новых отечественных изданиях; 3) взаимный обмен изданиями и научной информацией между Россе́й и Западной Европой; 4) сбор материала для будущего историка русской культуры. «Russische Bibliothek...» выходила в течение шестнадцати лет, с 1772 по 1789 год. Описания книг транслитерировались латинскими буквами; аннотации и выписки печатались на не-

русской книги послужил Сопикову его опыт книгопродавца и издателя.

С юных лет Сопиков служил приказчиком в книжных лавках комиссионеров Новикова — Полежаева и Кольчугина, в конце 80-х годов открыл свою книжную лавку; позднее при ней была организована библиотека. Подобно другим книгопродавцам того времени, Сопиков издал росписи своей книжной лавки и каталог библиотеки, работа над которыми была для него школой библиографии. Сопиков известен и как издатель и как переводчик. Так, Сопиковым были осуществлены перевод и издание книги французского просветителя и прогрессивного общественного деятеля Сильвена Марешала «Пифагоровы законы и нравственные правила», издание рукописи русского землепроходца Г. И. Шелехова о его путешествии к берегам Северной Америки. С 1811 года Сопиков служил в Публичной библиотеке. Он сблизился с видными литераторами, учеными и библиографами — К. Ф. Калайдовичем, В. Г. Анастасевичем, митрополитом Евгением (Болховитиновым) и другими, помогавшими ему в работе.

Все эти обстоятельства благоприятствовали выполнению замысла Сопикова — составлению репертуара русской книги. Труд этот — «Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славенском и российском языках...» (СПб., 1813—1821. 5 ч.) включил более 13 тысяч описаний книг и журналов, изданных на русском и церковно-славянском языках с начала книгопечатания до 1813 (а частично и до 1818) года. Первая часть посвящена книгам церковной печати, остальные четыре — гражданской.

Весь этот колоссальный материал Сопиков расположил в алфавите заглавий — по первому слову либо по первому существительному в именительном падеже. Подобный метод был весьма распространен в то время в мировой библиографии. Однако Сопиков отступал от такого порядка, группируя произведения наиболее значительных писателей под фамилиями их авторов и выделяя важнейшие литературные жанры; выделены были и периодические издания. Для того чтобы при этом не нарушилось общее алфавитное расположение, Сопиков широко применял отсылки. Расположение заглавий в алфавитном порядке создавало большие трудности для ис-

пользования «Опыта...», так как не давало возможности разыскать произведения определенного автора (кроме некоторых), ни тем более выявить книги по какой-либо отрасли знания. Сознавая эти неудобства, Сопиков предполагал снабдить свой труд именным и систематическим вспомогательными указателями, но успел составить их только к первой, законченной части, то есть к книгам церковной печати.

«Опыт российской библиографии...», несмотря на ряд пропусков, неточностей и ошибок, неизбежных при составлении первого труда подобного рода, явился очень полным перечнем русской книги. Если же учесть, что Сопиков сумел раскрыть целый ряд псевдонимов и анонимов и поместил немало аннотаций, содержащих историю создания и издания книги, то следует признать, что его «Опыт...» дает яркую картину русского просвещения и книгоиздательства XVI—XVIII веков.

Однако не только задача создания репертуара, несмотря на всю ее грандиозность, стояла перед Сопиковым при составлении «Опыта российской библиографии...». Человек демократических убеждений, Сопиков хотел своим трудом принести пользу, помимо «малого числа любителей нашей словесности», и обширной читательской аудитории, нуждавшейся в сведениях о лучших книгах. Для этого он в тексте «Опыта...» выделил курсивом около 350 книг, которые, как он писал в «Предупреждении» к первой части, «достойны особенного внимания наших читателей и все совокупно могут составить небольшую избранную библиотеку». Половину этих книг составляет художественная литература, около 50 названий — книги по истории, остальное относится к философской и религиозной литературе. Философская книга представлена здесь в основном произведениями французских просветителей; среди религиозно-нравственных произведений преобладают масонские.

Состав этой «избранной библиотеки» объясняется общественной позицией автора «Опыта...», последователя французских просветителей, связанного с кружком поэтов-радищевцев. Естественно, что он пропагандировал те книги, на которых воспитался сам и в подавляющей части которых нашли отражение свободолюбивые идеалы XVIII века.

Не довольствуясь выделением включенных им в «из-

бранную библиотеку» книг курсивом, Сопиков привел также много выписок из числа излюбленных им произведений или из тех книг, которые были библиографической редкостью. Выписки эти, как указывалось в предисловии к «Опыту...», преследовали цель «...оказать некоторую услугу молодым и неопытным читателям, а наименее живущим в отдалении от наших столиц и не имеющих довольных способов снабжать себя полезными книгами».

В предисловии к работе «Предупреждению» Сопиков дал краткий очерк книгопечатания и изложил свои взгляды на роль и общественное значение библиографии (см. с. 114).

Таким образом, «Опыт...» сочетал в себе библиографический репертуар, рекомендательный указатель, справочное пособие по истории русского книгопечатания и своеобразную хрестоматию, дававшую представление о нескольких десятках редких и ценных изданий и наиболее значительных произведений художественной и философской литературы XVIII века.

Труд Сопикова вызвал множество откликов и получил высокую оценку в современной ему русской и иностранной печати. Указывая на неизбежные в подобном труде недочеты, рецензенты единодушно отмечали огромное значение работы, автор которой «заслужил внимание и благодарность всех любителей русской литературы» («Сын отечества», 1813, ч. 10). В зарубежной печати высказано было пожелание о переводе «Опыта...» на французский язык.

«Опыт российской библиографии...» по праву считается классическим трудом, а автор его — основоположником русской библиографии*.

Большое общественное значение в первой половине XIX века приобрели платные библиотеки при книжных лавках, обслуживавшие сравнительно широкие круги читателей и выполнявшие

Каталоги платных публичных библиотек

* Почти одновременно с «Опытом...» Сопикова, в 1814 году, в Варшаве был издан первый репертуар польской книги Бентковского. В 1824 году студентом Виленского университета Забитис-Незабитаускасом был подготовлен первый список литовских книг, который и был напечатан в составленном им же литовском букваре.

функции общедоступных библиотек. Императорская Публичная библиотека в Петербурге, открывшаяся в 1814 году, в первое время не могла удовлетворить потребности широкого круга читателей, так как русская книга в ее фондах была представлена скудно; хороших каталогов в библиотеке не было. Тем большее значение приобретали в подобных условиях частные публичные библиотеки, многие из которых обладали богатыми собраниями русской книги. Вначале такие библиотеки открывались только в Москве и Петербурге, впоследствии они появились и в других городах (например, библиотеки при книжных лавках Н. А. Ключкова в Одессе, П. П. Должикова в Киеве).

Особенно выделялась библиотека образованного книгопродавца В. А. Плавильщикова (1768—1823), которая в первой четверти века была крупнейшей в стране. В ней с большой полнотой были представлены лучшие русские книги XVIII и первой четверти XIX века, имелся почти полный подбор переводов Вольтера, Дидро, Д'Аламбера, классиков мировой литературы. Библиотека обладала большим количеством новинок, среди которых были и конфискованные правительством книги. В состав библиотеки Плавильщикова вошла и богатейшая театральная библиотека его брата, известного актера. К 1820 году фонды библиотеки достигли 7000 названий. Владельцы частных публичных библиотек издавали печатные каталоги; однако подавляющее большинство их было порождено лишь коммерческими соображениями. Исключением были каталоги библиотеки Плавильщикова — 1817-го и в особенности 1820 года.

Для составления последнего Плавильщиков пригласил известного библиографа В. Г. Анастасевича (1775—1845). Каталог 1820 года, изданный под заглавием «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки В. Плавильщикова, систематическим порядком расположенная» (СПб., 1820), явился серьезной вехой в развитии русской библиографии. Отражая собрание Плавильщикова, «Роспись...» являлась довольно полным указателем русской книги XVIII и первой четверти XIX века. Главное ее достоинство — систематическое расположение материала, чего не дал Сопиков. Принятая в «Росписи...», в значительной степени разработанная самим Анастасевичем, классификационная схема состояла из трех больших

разделов — «Математико-физические науки»; «Богословские, нравственные и политические науки»; «Словесность» — с последующими более дробными делениями. Эта классификация разительно отличалась от всех современных ей русских схем, построенных на совершенно иных основаниях и возглавлявшихся, как правило, либо богословием, либо филологией. Выдвинувшая на первый план естественные и точные науки, схема Анастасевича имела в основании не традиционное так называемое факультетское деление (богословие, юриспруденция, медицина, философия) и не субъективные свойства человеческой психики — память, разум, воображение (отсюда распространенные в библиографических системах основные классы: история, философия, поэзия). В библиографической системе Анастасевича впервые в истории библиографии и библиотековедения основное деление проведено по объективным признакам явлений, изучаемых человеком, по объектам человеческого познания: разделы его классификации имеют своими объектами природу, общество, язык. Таким образом, схема Анастасевича была ближе всего к философским и научным классификациям, разработанным прогрессивными французскими учеными конца XVIII — начала XIX века.

Описания книг и расположение их внутри отделов были подчинены задаче — помочь читателям ориентироваться в содержании включенной литературы: на первое место в описаниях ставились существенные слова из заглавия и внутри отделов создавалось нечто вроде предметных комплексов. В «Росписи...» раскрыто было много псевдонимов и анонимов, имелся указатель авторов.

Работа Анастасевича получила высокую оценку в современной печати; отмечались отличия этого труда от обычных библиотечных каталогов. С другой стороны, «Роспись...» вызвала и резкую критику, исходившую из лагеря сторонников авторитетной в то время, принятой для Публичной библиотеки, классификации, составленной директором библиотеки А. Н. Олениным при помощи французского эмигранта, аббата де Грандидье.

В 1821—1826 годах были выпущены ежегодные прибавления к росписи, явившиеся фактически текущей библиографической информацией за этот период.

После смерти Плавильщикова книжная торговля и библиотека перешли к его приказчику А. Ф. Смирдину

(1795—1857). А. Ф. Смирдин, крупнейший издатель этого времени, прославившийся выпуском собраний сочинений почти всех известных русских писателей, значительно расширил предприятие Плавильщикова. Его книжная лавка стала своеобразным литературным салоном, в котором бывали виднейшие писатели эпохи. Пополнился и обогатился состав библиотеки — не только вновь вышедшими книгами, но и ценными изданиями прошлых десятилетий, особенно книгами XVIII века. Через несколько лет, когда фонды библиотеки достигли 10 000 названий, Смирдин издал ее каталог — «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина» (СПб., 1828), — составленный им самим при участии его приказчика и библиотекаря, большого знатока и любителя книги Ф. Ф. Цветаева*. Возможно, что в редактировании росписи принимал участие Д. И. Языков. В течение продолжительного времени в литературе господствовало ошибочное мнение, будто этот каталог также был составлен В. Г. Анастасевичем.

«Роспись...» Смирдина — лучший библиотечный каталог первой половины XIX века, до сих пор не потерявший справочного значения. Здесь, как и в «Росписи...» Плавильщикова, раскрыты многие псевдонимы и анонимы; каталог снабжен, кроме традиционного именованного, алфавитным указателем заглавий; описание книг гораздо более четкое и простое, чем у Анастасевича.

«Роспись...» Смирдина получила высокую оценку современников и, благодаря своей полноте, четкости, вспомогательным указателям, заслонила в их сознании, да и в истории русской библиографии, «Роспись...» Плавильщикова. Белинский писал в 1847 году: «Каталог г. Смирдина сейчас же сделался настольною справочною книгою для библиографов, критиков, журналистов, вообще литераторов и даже ученых. Нельзя не сказать, что изданием этого каталога г. Смирдин оказал русской литературе большую и важную услугу: без него составление какого бы то ни было опыта истории русской литературы почти невозможно»**. В то же время В. Г. Белин-

* Хотя «Роспись...» вышла в свет в 1828 году, своими корнями она уходит в первую четверть века; в начале 1827 года она была уже закончена. Поэтому характеристика ее дается в этом разделе.

** В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. 10. М., Акад. наук СССР, 1956, с. 159—160.

ский критиковал примененную в «Росписи...» классификацию.

К «Росписи...» было издано три прибавления: в 1829, 1832 и 1847 годах (последнее было опубликовано не полностью). В эти прибавления вошли не только новые книги, как это имело место в прибавлениях к росписи Плавильщикова, но и издания прошедших лет, которыми пополнялась библиотека Смирдина. В 1852 и 1856 годах вышли еще два прибавления, изданные П. Крашенинниковым, к которому перешла библиотека разорившегося Смирдина.

Основная «Роспись...» позволяет получить отчетливое представление о русской книге XVIII и первой четверти XIX века.

Методика «Росписи...» Смирдина была позднее воспринята И. П. Быстровым (который составлял третье прибавление к ней) при работе над «Систематическим реестром русским книгам с 1831 по 1846 год» (СПб., 1846). «Реестр» этот являлся каталогом библиотеки при книжной лавке М. Д. Ольхина, но фактически был гораздо полнее, так как источник его — поступления обязательного экземпляра в Публичную библиотеку, где служил И. П. Быстров.

Библиография
на страницах
периодических изданий

С начала второго десятилетия XIX века периодические издания получают все большее распространение в России и играют все более заметную роль в жизни общества. Отечественная война 1812 года, способствовавшая развитию патриотических чувств и свободолюбивых настроений в передовых слоях русского общества, оказала сильное влияние и на периодическую печать, расширив круг обсуждавшихся в ней проблем. Значительно выросло число журналов; возникли новые периодические издания в провинции.

Почти каждый русский журнал того времени уделял внимание разбору выходящих в свет книг.

Не меньшей популярностью пользовались в 20-е годы альманахи, в которых помещались полемические и критические статьи и обзоры литературы. Блестящие обзоры А. А. Бестужева в декабристской «Полярной звезде» на 1823—1825 годы, явившиеся предшественниками обзоров В. Г. Белинского, имели большой общественный резонанс. Высокую оценку современников получили

обзрения И. В. Киреевского в альманахе «Денница», О. М. Сомова в «Северных цветах». Годовые обзоры литературы в альманахах охватывали обычно наиболее значительные литературные явления — как отдельные книги, так и журнальные статьи — и давали общую оценку литературного движения за рассматриваемый период. Журналы уделяли внимание больше рецензированию и аннотированию текущей печатной продукции, хотя некоторые из них печатали и обзоры литературы.

Наиболее полное отражение русская печать нашла на страницах самого популярного в это время журнала «Сын отечества», основанного Н. И. Гречем в 1812 году как военно-патриотический журнал. В 1814—1825 годах «Сын отечества» откликался на все важнейшие вопросы современности. В журнале печатались статьи А. А. Бестужева, К. Ф. Рыльева, В. К. Кюхельбекера, А. С. Грибоедова, П. А. Катенина, Д. В. Веневитинова, П. А. Вяземского, стихотворения А. С. Пушкина и Е. А. Баратынского. Литераторы-декабристы, активно сотрудничавшие в журнале, ставили в своих критических статьях и рецензиях вопросы самобытности и народности литературы, высокого гражданского назначения поэта.

Наряду с критикой в «Сыне отечества» большое место занимала и библиография. В 1814 году, в связи с общей реорганизацией журнала, в нем был выделен специальный отдел «Современная русская библиография», в котором по обязательному экземпляру Публичной библиотеки регистрировалась выходящая в свет печатная продукция. Библиографические списки в «Сыне отечества», как правило, сопровождались аннотациями или рецензиями, имевшими немалый общественный резонанс. В первые годы своего существования «Современная русская библиография» давала сведения о большей части выходящей в свет печатной продукции. С 1818 года количество названий сокращается за счет более полного раскрытия материала. К сотрудничеству в библиографическом отделе привлекаются видные литераторы-декабристы: А. А. и Н. А. Бестужевы, А. О. Корнилович, В. К. Кюхельбекер, Ф. Н. Глинка, а также П. А. Вяземский и близкий в то время к декабристским кругам О. М. Сомов.

Однако «Современная русская библиография», так же как и весь журнал Греча, в те годы умеренного ли-

берала, была очень пестра по идеологическому составу. С замечательными образцами декабристской критической мысли в ней соседствовали рецензии, проникнутые верноподданническим духом. У «Сына отечества», как и у большинства журналов первой четверти века, не было последовательной, отчетливо выраженной политической программы. По определению Белинского, журнал «представлял собою смесь старого с новым и отсутствие всяких начал»*. Тем не менее «Современная русская библиография» сыграла заметную роль в борьбе с книжной макулатурой, за создание литературного языка, за выработку принципов критики и библиографии. Она приучила русскую читающую публику следить за вновь выходящими книгами, и в дальнейшем ни один солидный журнал уже не мог обойтись без библиографического отдела, стремившегося охватить большую часть текущей печатной продукции.

Литературная и публицистическая деятельность декабристов немало способствовала выработке передовых принципов рецензирования. Освободительные и патристические идеи декабристов, их борьба за просвещение и свободомыслие, за создание национальной русской литературы определили направление передовой журнальной библиографии, сыграли значительную роль в развитии ее лучших традиций.

В 1825 году начали выходить «Библиографические листы» — журнал, издававшийся видным и разносторонним ученым П. И. Кеппеном (1793—1864). «Главное назначение сих листов, — писал издатель, — состоит в том, чтобы сообщать полные заглавия книг, на разных языках в России издаваемых, и предлагать краткое изложение их содержания» (1825, № 13). Идея Кеппена сама по себе была не новой, однако по полноте и широте охвата печатной продукции «Библиографические листы» значительно превосходили все предшествовавшие попытки. Работе Кеппена была присуща исключительная точность описания и четкость систематизации. Следует отметить, что Кеппен впервые организовал текущую библиографическую регистрацию на базе обязательного

* В. Г. Белинский. Николай Алексеевич Полевой. — В кн.: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. 9. М., Акад. наук СССР, 1955, с. 683.

экземпляра, реализовав идею, высказанную еще в 1811 году Анастасевичем.

Таким образом, «Библиографические листы» отвечали основным требованиям, предъявлявшимся к изданию подобного рода. Тем не менее они не имели успеха у читающей публики и прекратили свое существование в конце того же 1825 года. Неудача «Библиографических листов» объясняется, видимо, их академизмом, оторванностью от насущных вопросов современности, преимущественным вниманием издателя к славяно-русской библиографии, к научной книге вообще. Журнал подобного типа, рассчитанный в основном на ученых, не имел еще в то время широкой читательской аудитории. Впрочем, вопрос о прекращении «Библиографических листов» не исследован до конца — не исключены и внешние причины закрытия журнала.

Вопросы теории библиографии

Вместе с интенсивным развитием библиографии в первой четверти XIX века появились и первые опыты теоретического осмысления ее целей, задач и методов.

Первыми серьезными теоретическими работами явились статьи В. Г. Анастасевича «О библиографии», «О начале ведомостей и повременных изданий (газет и журналов) в Европе», «О необходимости в содействии русскому книговедению» и другие.

В своих статьях и в первую очередь в статье «О библиографии», опубликованной в его журнале «Улей» (1811, ч. 1), Анастасевич, подобно Шторху, подчеркивал культурно-историческую роль библиографии (не случайно в «Росписи...» Плавильщикова он поместил библиографические работы в раздел «ученой истории»). Но вместе с тем столь же настойчиво подчеркивал Анастасевич образовательные, просветительные задачи библиографии. Считая ее путеводительницей и наставницей в выборе книг, называя ее нитью Ариадны в литературном лабиринте, Анастасевич в своих теоретических высказываниях отдавал предпочтение библиографии реферативной, которая представляет не только описания, но и суждения о произведениях печати; он утверждал даже, что только от появления подобных работ (то есть критических журналов) можно вести подлинную историю библиографии.

Помимо библиографии практической, Анастасевич различал теорию библиографии, которую он, следуя традициям эпохи, трактовал чрезвычайно расширительно, относя сюда историю книгопечатания, палеографию, архивное дело, библиотековедение, историю книги — все, «что только принадлежит к умопроизведениям» (в частности, он впервые в русской литературе употребил термин «книговедение»). В своих статьях Анастасевич ставил также вопросы о создании библиографических обществ и организации коллективной библиографической работы, о введении текущей регистрации книг по обязательному экземпляру, получаемому Министерством народного просвещения, о библиографировании газетных статей. Систематическое расположение материала в библиографических трудах Анастасевич рассматривал как основной метод библиографии. Библиография, «наука знать книги по их содержанию», только тогда и может выполнить свое высокое общественное назначение, считал Анастасевич, если сумеет распределить произведения печати «в приличных разрядах по общей или принятой схеме». Характерно, что именно ему принадлежала оригинальная, самая интересная из русских библиографических классификаций XIX века, система, примененная в «Росписи...» Плавильщикова.

Через два года после опубликования первой из статей Анастасевича вышел в свет «Опыт...» В. С. Сопикова. В «Предуведомлении» к нему Сопиков сформулировал свое понимание предмета библиографии, во многом схожее с определением Анастасевича: «Библиография из всех человеческих познаний есть самая пространнейшая наука»; «библиография (книгописание), или основательное познание о книгах, составляет существенную часть истории народного просвещения»; она «показывает состояние и постепенное развитие наук вообще». Однако, в отличие от своих предшественников, Сопиков ставит перед библиографией воспитательные, педагогические задачи. Библиография, по его мнению, «образует вкус читателей к хорошим сочинениям». Библиотекарь (и библиограф) должен быть руководителем юношества, способствующим формированию нравственных и эстетических идеалов молодого поколения, «открывающим ему чистейшие источники».

Наряду с «собственно библиографией» укрепляет

свои теоретические позиции и журнальная библиография. На страницах периодических изданий того времени упорно проводится мысль о несхожести библиографии «в собственном смысле слова» с журнальной, призванной не просто перечислять книги, но и давать им оценку. Журнальная библиография, общественная роль которой неуклонно возрастала вместе с развитием русской журналистики, с самого начала заявляет о своем публицистическом направлении и критической окраске. «Рецензия не есть библиография, в которой помещается одно только извлечение из книг, а менее того реестр книгам, в котором выставляется только одно название книги», — заявляет журнал «Северный вестник»*. Вместе с тем деятели журнальной библиографии подчеркивали и различие между ней и критикой. Критика — это, по мнению Греча и некоторых других журналистов, — «ученые известия о книгах», отличающиеся от библиографии как по глубине анализа, так и по объекту: критике подвергаются только наиболее значительные произведения, разбор которых зачастую служит средством идеологической борьбы между журналами различных направлений. Важной же задачей журнальной библиографии считалась рекомендация лучшей книги и предостережение от покупки низкопробных сочинений.

Неизбежная для универсальных изданий поверхностность некоторых рецензий вызывала зачастую раздраженные отклики таких библиографов, как Анастасевич и Кеппен.

Кеппен даже заявлял, что «понятие библиографии в собственном значении сего слова некоторыми литераторами неосновательно распространено и на самые суждения о книгах»**. Очевидно, что направлены были такие заявления не против «суждений» вообще, а против суждений легковесных, не аргументированных и не основанных на серьезном изложении и разборе книг: ведь именно Анастасевич и Кеппен выдвигали идею создания специального критико-библиографического журнала с участием специалистов различных отраслей знания; в конце первой четверти века эту идею Кеппен попытал-

* «Северный вестник», 1804, ч. 3, с. 141.

** П. И. Кеппен. Материалы для истории просвещения в России. № 1. Обзорение источников для составления истории российской словесности. СПб., 1819, с. 58.

ся реализовать в издании, представлявшем собой синтез «чистой» библиографии и журнальных рецензий — в уже упоминавшихся «Библиографических листах».

Библиография во второй четверти XIX века

После подавления восстания декабристов наступает, по выражению А. И. Герцена, «морозная полоса» реакции. Страх Николая I перед революционным движением выразился в целом ряде репрессивных мер, особенно тяжело отразившихся на состоянии науки, просвещения и печати.

Была введена чрезвычайно сложная бюрократическая система наблюдения за печатью, при которой одна и та же книга, в зависимости от освещавшихся в ней вопросов, должна была проходить несколько инстанций. Создаются чрезвычайные затруднения для возникновения новых журналов. Закрываются лучшие периодические издания — «Московский телеграф» и «Телескоп». Новую волну преследований вызывают революционные события 1848 года в Европе. Организуется негласный, так называемый бутурлинский, комитет по надзору за печатью, преследовавший любое проявление прогрессивной мысли.

Условия николаевского царствования не способствовали появлению крупных библиографических трудов. Зато журнальная библиография ищет новые жанры. Параллельно с критико-библиографической информацией в журналах публикуется и учетно-регистрационная библиография, печатаются, помимо рецензий, обзрения газет и журналов, годовые обзоры книжной продукции, которые до 30-х годов были монополией альманахов, труды по отраслевой библиографии. Появляется библиография и в газете.

Отделы критики и библиографии в журналах становятся ареной ожесточенной идеологической борьбы; публикуемый ими материал пользуется особым вниманием читателей.

«Тридцатые и сороковые годы, — писал Г. В. Плеханов, — являются у нас фокусом, в котором сходятся, из

которого расходятся все течения русской общественной мысли»*. Уходит в прошлое «неопределенность мнений», расплывчатость политической программы, свойственная большинству изданий первой четверти века. Для последекабрьской эпохи характерна ожесточенная борьба между периодикой прогрессивного и охранительного лагерей, ярче всего выявлявшаяся в содержании критико-библиографических отделов.

Правительство с подозрительностью относилось к журнальной библиографии. Развитию критики и библиографии чинились всяческие препятствия. В ответ передовые журналы начинают вырабатывать тот «эзопов язык», который впоследствии был доведен до совершенства в работах Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова.

В журналах того времени большое внимание уделялось библиографированию выходящей в свет печатной продукции. Особенно полно и ярко отражалась русская литература на страницах прогрессивных журналов — в первую очередь «Московского телеграфа» и «Отечественных записок».

Журнал Н. А. Полевого «Московский телеграф» (1825—1834) был, по выражению Белинского, «явлением необыкновенным во всех отношениях»**. Внимательно следивший в течение почти 10 лет за всеми достижениями русской и европейской культуры, журнал распространял новейшие знания и прогрессивные идеи. «Московский телеграф» — первый русский журнал, сумевший объединить все материалы, которые публиковались на его страницах, действительно одним направлением. В особенности это можно сказать об отделах критики и библиографии журнала, которые были подняты Н. А. Полевым на большую принципиальную и теоретическую высоту. Почти все рецензии в журнале принадлежали или самому Н. А. Полевому, или «одномыслящим с ним постоянным сотрудникам» (Кс. Полевой, одно время — П. А. Вяземский, С. Д. Полторацкий и

* Г. В. Плеханов. О книге М. О. Гершензона «История молодой России». — В кн.: Г. В. Плеханов. Соч. Т. 23. М.—Л., Госиздат, 1926, с. 29.

** В. Г. Белинский. Николай Алексеевич Полевой. — В кн.: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. 9. М., Акад. наук СССР, 1955, с. 687.

др.). Боевая, политически заостренная библиография «Московского телеграфа» охватывала в первые годы около половины русской печатной продукции, в дальнейшем — несколько меньше. Редакция стремилась давать в библиографическом отделе журнала не столько учет книг, сколько «полное понятие о ходе, духе, направлении русской литературы». Этой задаче служили также ежегодные обзоры, многие из которых содержали программные высказывания по вопросам критики и библиографии.

В журнале рецензировались все значительные библиографические труды. Кроме русской литературы, «Московский телеграф» уделял внимание и литературам других народов, особенно славянским. В журнале впервые появилась библиография вновь выходящих музыкальных произведений и географических карт, библиография русской периодики.

Широта взгляда на цели и задачи библиографии, публицистический накал, оперативность и злободневность были причиной необычайной популярности и влияния, которые библиография «Московского телеграфа» оказала на современников. Содержание библиографического отдела «Московского телеграфа», как и других лучших русских журналов того времени, далеко выходило за рамки чисто информационных задач. Наиболее принципиальные, боевые рецензии, перераставшие зачастую в программные статьи, помещались в библиографических отделах.

В 1834 году журнал был закрыт. Поводом к этому послужила как раз заметка в отделе библиографии — отрицательная рецензия на исполненную идей «православия, самодержавия и народности» и вызвавшую восторг Николая I пьесу Н. В. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла».

Большое место занимала библиография на страницах «Литературной газеты» А. А. Дельвига (1830—1831), где помещались рецензии на новые значительные произведения.

Обширную библиографическую программу развернула в 1840 году «Литературная газета» А. А. Краевского, во главе библиографического отдела которой стоял В. Г. Белинский. Здесь, кроме рецензий, помещались и списки вновь выходящих книг.

Вершиной журнальной библиографии первой половины XIX века была «Современная библиографическая хроника» в «Отечественных записках». Орган радикальной интеллигенции 40-х годов «Отечественные записки» впервые в русской журналистике превратили печатавшуюся здесь критику и библиографию в трибуну общественного мнения.

Издатель журнала А. А. Краевский чрезвычайно широко поставил библиографический отдел, в котором ежегодно рецензировалось около 500 названий вновь выходящих книг. Это была почти вся русская литературная продукция, поступающая на книжный рынок. Издатель руководствовался двумя правилами: публиковать отзывы о книгах «тотчас по их выходе» и снабжать рецензиями решительно все, что попадало в «Современную библиографическую хроника», вне зависимости от достоинства произведения и компетентности рецензента. Краевский сумел блестяще организовать оперативное рецензирование текущей книжной продукции. С начала организации «Современной библиографической хроники» ее обслуживала группа московских корреспондентов, получавших книги для рецензирования в местном цензурном комитете. Такая же группа рецензентов была организована в Петербурге. Кроме В. Г. Белинского, в отделе библиографии в 40-е годы сотрудничали А. Д. Галахов, Н. А. Некрасов, П. Н. Кудрявцев, В. П. Боткин и др.

Подобная организация придала библиографическому отделу «Отечественных записок» размах и оперативность, равными которым ни до, ни после него не обладал ни один русский журнал.

«Отечественные записки» отзывались на появление в печати значительных библиографических трудов, анализировали ежегодные отчеты Публичной библиотеки. В 1840 году в редакции журнала созрел замысел составления полного свода русской книги за 1837—1839 годы. Были собраны сведения у ряда владельцев типографий, но материал остался неопубликованным.

Возглавив в середине 1839 года критический и библиографический отделы «Отечественных записок», Белинский объединил весь публиковавшийся в них разнородный материал единством направления, сумев в рецензиях даже на самые ничтожные книги высказывать свои

политические и эстетические взгляды. В эпоху безвременья и безгласности, когда печать была лишена возможности открыто обсуждать насущные социальные проблемы, только в отделах критики и библиографии можно было в завуалированной форме говорить о том, что волновало русское общество. Вот почему эти отделы стали «душой, жизнью» периодического издания, вот почему их так жадно читала вся мыслящая Россия. Рецензия под пером Белинского приобретала зачастую большее значение, чем сама рецензируемая книга.

Не имея возможности проявить себя на политической арене, Белинский весь темперамент борца и мыслителя отдал единственно доступной для него в тех условиях области — критической и библиографической работе, необычайно возвысив их и обогатив новым глубоким содержанием. Белинский придавал огромное значение идейному и эстетическому влиянию книги в современных ему условиях. Отсюда его внимание к рекомендации лучшей книги, к борьбе с псевдонародной реакционной литературой, с «серобумажной» продукцией, которой был завален книжный рынок 30—40-х годов. Развивая и распространяя вкус к чтению, Белинский особенно внимательно относился к запросам молодого поколения, к воспитанию его мировоззрения при помощи критики и библиографии. Он давал резкий отпор попыткам библиографов реакционного толка рекомендовать читателям низкопробную в художественном и идейном отношении литературу.

В корне противоположной по своему направлению была библиография в реакционных периодических изданиях.

Довольно широко русская книга библиографировалась в 1825—1854 годах в «Северной пчеле» Булгарина и Греча. Эта библиография была проникнута духом официальной народности. В 30-е годы возникает так называемое «торговое направление» в русской журналистике, типичным представителем которого был О. И. Сенковский. Редактировавшийся им журнал «Библиотека для чтения» был, по ироническому выражению Белинского, «великим патристически-торговым предприятием»*.

* В. Г. Белинский. Литературные мечтания.— В кн.: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. I. М., Акад. наук СССР, 1953, с. 98.

Основанный в 1834 году, этот журнал, ориентированный на вкусы и потребности чиновничества, мещанства и провинциального дворянства, пользовался до начала 40-х годов большой популярностью. Образованный и остроумный, Сенковский славился своей беспринципностью и это полностью отражалось в его «Библиотеке для чтения». Журнал Сенковского, как и многие журналы того времени, отличался энциклопедизмом содержания. Очень широко поставлено в нем было и библиографирование текущей печатной продукции (в специальном отделе «Литературная летопись»). Сенковский охватил в этом отделе еще больше книг, чем Полевой. Однако направление, которое редактор «Библиотеки для чтения» придал этому отделу, было прямо противоположно направлению библиографии «Московского телеграфа». Если Полевой стремился при помощи библиографии воспитывать читателя, то для позиции Сенковского характерен отказ от руководства мнениями читателей и трактовка им критики как «картины личных ощущений», не являющейся «правилом для других». Сенковский придал «Литературной летописи» развлекательный характер. Исключение делалось только для научной литературы, которой в «Библиотеке для чтения» было посвящено большое количество серьезных, обстоятельных рецензий. «Библиотека для чтения» была первым русским универсальным журналом, в библиографическом отделе которого велась широкая пропаганда естественнонаучных знаний. Однако эта положительная сторона библиографии «Библиотеки для чтения» не могла заслонить общего развращающего влияния «Литературной летописи», печально прославившейся несуразными оценками произведений русской художественной литературы.

Завоевав прочное место в русской журналистике, библиография проникает и на страницы официальных изданий. Особенно широко она была представлена в «Журнале министерства народного просвещения». Журнал этот, основанный правительством в 1834 году с целью противодействия влиянию прогрессивных идей, представлял собой в то же время солидное научное издание, где публиковалось множество серьезных статей по различным вопросам науки, литературы и искусства. В 1834—1855 годах в журнале было широко поставлено и четко организовано библиографирование книг и ста-

тей из периодики. Консервативное направление этой библиографии не мешало ей быть научно добросовестной и пунктуальной. Библиографические материалы в журнале занимали обычно около половины каждой книжки. Регулярно (в 1834—1838 годах дважды, а в 1839—1855 — четыре раза в год) публиковались «Обозрения русских газет и журналов», отражавшие наиболее значительные статьи из текущей периодики. «Обозрения», составлявшиеся видными литераторами и учеными, были первым в России опытом библиографирования газетных и журнальных статей. Книжная продукция рецензировалась в отделе «Новые книги, вышедшие в России», помещавшемся в каждом номере журнала. Для рецензирования отбирались преимущественно книги по историческим, естественным и точным наукам. Зарубежной литературе был посвящен раздел «Новые иностранные книги», прекративший существование в 1848 году, в эпоху цензурного террора. В 1834—1842 годах в журнале помещались большие годовые обзоры русских книг, сопровождавшиеся обычно статистическим материалом. Эти обзоры (за исключением первого из них, составленного В. Д. Комовским) были проникнуты верноподданническим духом. В журнале давались также обзоры славянских литератур. Был напечатан ряд библиографических работ по исторической, юридической, древнерусской литературе (труды П. М. Строева, А. Г. Станиславского, Д. В. Поленова) и множество рецензий на библиографические пособия, издававшиеся в России. Вся эта масса материала была направлена на выполнение двух взаимосвязанных задач, поставленных перед журналом: способствовать развитию науки и культуры, угодной правящим классам, и демонстрировать перед обществом и царем успехи народного просвещения в России.

Эти же задачи призван был решать печатавшийся в «Журнале министерства народного просвещения» в 1837—1855 годах «Указатель вновь выходящих книг».

Возникновение
официальной регистрации
произведений печати

«Указатель вновь выходящих книг» был первым опытом полной библиографической регистрации, осуществлявшейся в официальном порядке. В течение почти двух десятилетий в нем регистрировались книги, прошедшие контроль министерства

народного просвещения и некоторых других ведомств. Здесь нашла широкое отражение литература не только на русском, но и на других языках.

Инициатором создания этой библиографической работы был А. М. Языков, брат известного поэта, близко знакомый с Пушкиным и Гоголем, представитель оппозиционного дворянства 30—40-х годов. Непосредственным организатором указателя был В. Д. Комовский, литератор, переводчик и библиограф, служивший в это время в канцелярии министра народного просвещения, в распоряжении которого находился обязательный экземпляр выходящих в России книг. И Языков и Комовский прекрасно понимали культурно-историческую и информационную роль библиографической регистрации, организовать которую они пытались и раньше*. Официальные материалы перерастали в «Указателе вновь выходящих книг» в подлинную текущую библиографию, хотя и имевшую ряд серьезных методических недостатков.

После смерти Комовского (в 1851 году) «Указатель...» стал хиреть; он составлялся все более и более небрежно; ухудшилась классификация книг, сведения запаздывали. В середине 1855 года, в связи с реформой «Журнала министерства народного просвещения», были ликвидированы все прибавления к нему, в том числе и библиографические**.

В условиях царской России, и в этот период и в дальнейшем, только сведения, получаемые от правительственных учреждений, могли быть более или менее надежной базой текущей государственной библиографии, что, разумеется, накладывало на нее некоторый отпечаток. Однако это не может являться основанием для утверждений об охранительных целях «Указателя вновь выхо-

* «Список всех книг, вышедших в России в 1829 году», составленный Комовским по инициативе Языкова, был опубликован в журнале «Московский вестник» в 1830 году. Для него также были использованы аналогичные материалы. Комовский составил и не дошедший до нас список книг за 1829—1833 годы.

** Подробнее об «Указателе вновь выходящих книг» см.: Л. М. Равич. Из истории государственной регистрации произведений печати в дореволюционной России.— «Труды» (Ленингр. библиотеч. ин-т им. Н. К. Крупской), 1958, т. 3, с. 207—225.

политические и эстетические взгляды. В эпоху безвременья и безгласности, когда печать была лишена возможности открыто обсуждать насущные социальные проблемы, только в отделах критики и библиографии можно было в завуалированной форме говорить о том, что волновало русское общество. Вот почему эти отделы стали «душой, жизнью» периодического издания, вот почему их так жадно читала вся мыслящая Россия. Рецензия под пером Белинского приобретала зачастую большее значение, чем сама рецензируемая книга.

Не имея возможности проявить себя на политической арене, Белинский весь темперамент борца и мыслителя отдал единственно доступной для него в тех условиях области — критической и библиографической работе, необычайно возвысив их и обогатив новым глубоким содержанием. Белинский придавал огромное значение идейному и эстетическому влиянию книги в современных ему условиях. Отсюда его внимание к рекомендации лучшей книги, к борьбе с псевдонародной реакционной литературой, с «серобумажной» продукцией, которой был завален книжный рынок 30—40-х годов. Развивая и распространяя вкус к чтению, Белинский особенно внимательно относился к запросам молодого поколения, к воспитанию его мировоззрения при помощи критики и библиографии. Он давал резкий отпор попыткам библиографов реакционного толка рекомендовать читателям низкопробную в художественном и идейном отношении литературу.

В корне противоположной по своему направлению была библиография в реакционных периодических изданиях.

Довольно широко русская книга библиографировалась в 1825—1854 годах в «Северной пчеле» Булгарина и Греча. Эта библиография была проникнута духом официальной народности. В 30-е годы возникает так называемое «торговое направление» в русской журналистике, типичным представителем которого был О. И. Сенковский. Редактировавшийся им журнал «Библиотека для чтения» был, по ироническому выражению Белинского, «великим патриотически-торговым предприятием»*.

* В. Г. Белинский. Литературные мечтания.— В кн.: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. I. М., Акад. наук СССР, 1953, с. 98.

Основанный в 1834 году, этот журнал, ориентированный на вкусы и потребности чиновничества, мещанства и провинциального дворянства, пользовался до начала 40-х годов большой популярностью. Образованный и остроумный, Сенковский славился своей беспринципностью и это полностью отражалось в его «Библиотеке для чтения». Журнал Сенковского, как и многие журналы того времени, отличался энциклопедизмом содержания. Очень широко поставлено в нем было и библиографирование текущей печатной продукции (в специальном отделе «Литературная летопись»). Сенковский охватил в этом отделе еще больше книг, чем Полевой. Однако направление, которое редактор «Библиотеки для чтения» придал этому отделу, было прямо противоположно направлению библиографии «Московского телеграфа». Если Полевой стремился при помощи библиографии воспитывать читателя, то для позиции Сенковского характерен отказ от руководства мнениями читателей и трактовка им критики как «картины личных ощущений», не являющейся «правилом для других». Сенковский придал «Литературной летописи» развлекательный характер. Исключение делалось только для научной литературы, которой в «Библиотеке для чтения» было посвящено большое количество серьезных, обстоятельных рецензий. «Библиотека для чтения» была первым русским универсальным журналом, в библиографическом отделе которого велась широкая пропаганда естественных наук. Однако эта положительная сторона библиографии «Библиотеки для чтения» не могла заслонить общего развращающего влияния «Литературной летописи», печально прославившейся несуразными оценками произведений русской художественной литературы.

Завоевав прочное место в русской журналистике, библиография проникает и на страницы официальных изданий. Особенно широко она была представлена в «Журнале министерства народного просвещения». Журнал этот, основанный правительством в 1834 году с целью противодействия влиянию прогрессивных идей, представлял собой в то же время солидное научное издание, где публиковалось множество серьезных статей по различным вопросам науки, литературы и искусства. В 1834—1855 годах в журнале было широко поставлено и четко организовано библиографирование книг и ста-

тей из периодики. Консервативное направление этой библиографии не мешало ей быть научно добросовестной и пунктуальной. Библиографические материалы в журнале занимали обычно около половины каждой книжки. Регулярно (в 1834—1838 годах дважды, а в 1839—1855 — четыре раза в год) публиковались «Обозрения русских газет и журналов», отражавшие наиболее значительные статьи из текущей периодики. «Обозрения», составлявшиеся видными литераторами и учеными, были первым в России опытом библиографирования газетных и журнальных статей. Книжная продукция рецензировалась в отделе «Новые книги, вышедшие в России», помещавшемся в каждом номере журнала. Для рецензирования отбирались преимущественно книги по историческим, естественным и точным наукам. Зарубежной литературе был посвящен раздел «Новые иностранные книги», прекративший существование в 1843 году, в эпоху цензурного террора. В 1834—1842 годах в журнале помещались большие годовые обзоры русских книг, сопровождавшиеся обычно статистическим материалом. Эти обзоры (за исключением первого из них, составленного В. Д. Комовским) были проникнуты верноподданническим духом. В журнале давались также обзоры славянских литератур. Был напечатан ряд библиографических работ по исторической, юридической, древнерусской литературе (труды П. М. Строева, А. Г. Станиславского, Д. В. Поленова) и множество рецензий на библиографические пособия, издававшиеся в России. Вся эта масса материала была направлена на выполнение двух взаимосвязанных задач, поставленных перед журналом: способствовать развитию науки и культуры, угодной правящим классам, и продемонстрировать перед обществом и царем успехи народного просвещения в России.

Эти же задачи призван был решать печатавшийся в «Журнале министерства народного просвещения» в 1837—1855 годах «Указатель вновь выходящих книг».

Возникновение
официальной регистрации
произведений печати

«Указатель вновь выходящих книг» был первым опытом полной библиографической регистрации, осуществлявшейся в официальном порядке. В течение почти двух десятилетий в нем регистрировались книги, прошедшие контроль министерства

народного просвещения и некоторых других ведомств. Здесь нашла широкое отражение литература не только на русском, но и на других языках.

Инициатором создания этой библиографической работы был А. М. Языков, брат известного поэта, близко знакомый с Пушкиным и Гоголем, представитель оппозиционного дворянства 30—40-х годов. Непосредственным организатором указателя был В. Д. Комовский, литератор, переводчик и библиограф, служивший в это время в канцелярии министра народного просвещения, в распоряжении которого находился обязательный экземпляр выходящих в России книг. И Языков и Комовский прекрасно понимали культурно-историческую и информационную роль библиографической регистрации, организовать которую они пытались и раньше*. Официальные материалы перерастали в «Указателе вновь выходящих книг» в подлинную текущую библиографию, хотя и имевшую ряд серьезных методических недостатков.

После смерти Комовского (в 1851 году) «Указатель...» стал хиреть; он составлялся все более и более небрежно; ухудшилась классификация книг, сведения запаздывали. В середине 1855 года, в связи с реформой «Журнала министерства народного просвещения», были ликвидированы все прибавления к нему, в том числе и библиографические**.

В условиях царской России, и в этот период и в дальнейшем, только сведения, получаемые от правительственных учреждений, могли быть более или менее надежной базой текущей государственной библиографии, что, разумеется, накладывало на нее некоторый отпечаток. Однако это не может являться основанием для утверждений об охранительных целях «Указателя вновь выхо-

* «Список всех книг, вышедших в России в 1829 году», составленный Комовским по инициативе Языкова, был опубликован в журнале «Московский вестник» в 1830 году. Для него также были использованы аналогичные материалы. Комовский составил и не дошедший до нас список книг за 1829—1833 годы.

** Подробнее об «Указателе вновь выходящих книг» см.: Л. М. Равич. Из истории государственной регистрации произведений печати в дореволюционной России.— «Труды» (Ленингр. библиотеч. ин-т им. Н. К. Крупской), 1958, т. 3, с. 207—225.

дящих книг», как считал Н. В. Здобнов, которому не был известен ряд документов, проливающих свет на возникновение этой библиографии*.

Специальная и краеведческая библиография

Во второй четверти XIX века некоторое развитие получает и специальная библиография. Основная масса пособий этого рода публиковалась на страницах специальных журналов: сельскохозяйственных, военно-морских, технических и пр. Кроме того, журналы универсального содержания печатали библиографические работы по истории, географии, юридическим наукам. Некоторые отраслевые и тематические указатели вышли в свет в виде прикнижных списков литературы и только немногие работы отраслевого характера появились как самостоятельные издания.

Из числа подобных работ следует отметить каталог личной библиотеки А. Д. Черткова — «Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях» (М., 1838—1845). Каталог сыграл значительную роль в удовлетворении интереса к родиноведческой литературе. Этим же целям служил составленный видным библиографом И. П. Быстровым «Опыт алфавитного указателя к русским повременным изданиям. Часть историческая» (СПб., 1841). Появляется отраслевая библиография, как например, «Библиотека военных людей» В. Соца (СПб., 1826). Значительным событием была публикация на страницах «Записок гидрографического департамента» труда А. П. Соколова «Русская морская библиотека» (1847—1852).

В 20—30-х годах вышел в свет ряд капитальных работ, посвященных описанию коллекций рукописных и старопечатных книг, которые положили начало развитию так называемой славяно-русской библиографии. Большинство этих работ было, в сущности, работами не библиографическими, а археографическими. Но разработка методов описания рукописей, а тем более старопечатных книг, оказала сильное влияние на дальнейшее развитие библиографии. Внимание к точности и полноте описания,

* См.: Н. В. Здобнов. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е. М., Госкультпросветиздат, 1955, с. 255—265.

требование сличения изданий, техника составления вспомогательных указателей и т. п. — все это обогащало библиографическую методику.

Первые шаги делает и краеведческая библиография, представленная в основном списками и словарями местных деятелей. Одной из наиболее ранних работ был словарь прибалтийских писателей, составленный И. Т. Рекке и К. Э. Напирским. В 1828 году П. И. Кеппен опубликовал в «Московском телеграфе» составленный его братом «Список слободско-украинским писателям и ревнителям просвещения». Подобные списки впоследствии были составлены и по другим губерниям и краям России. В «Сыне отечества» за 1833 год был опубликован обзор книг о Сибири. Большое значение для укрепления краеведческой библиографии имело возникновение с 1838 года «Губернских ведомостей». В «Журнале министерства народного просвещения» печатались обзоры их содержания, вспомогательные указатели к ним, оглавления.

В конце 20-х годов зарождается и библиография национальных литератур. Примечателен «Обзор сочинений, писанных на малороссийском языке» Иеремии Галки [Н. И. Костомарова], напечатанный в 1843 году в харьковском альманахе «Молодик».

Вопросы теории библиографии

Во второй четверти XIX века наблюдается такое же деление библиографии на «собственно библиографию» и журнальную, какое намечилось в начале века. Полевой и Надеждин подчеркивали, кроме того, разницу между журнальной библиографией и критикой, оставляя за первой право высказывать мнение о книге без углубленного ее анализа. И только Белинским было высказано и реализовано мнение, что рецензия есть «малая критика», что рецензент так же отвечает за свои суждения, как и критик. В связи с этим находятся и настойчивые высказывания Белинского о воспитательном, идейном воздействии журнальной библиографии.

Много лет занимаясь критико-библиографической работой, Белинский, естественно, интересовался и теоретическими вопросами библиографии. Объектом «собственно библиографии» является, по его мнению, вся словесность, то есть все, что находит свое выражение в

слове независимо от значимости и качества. Эта библиография адресована узкому кругу деятелей науки, книги и литературы. Справочное и информационное значение этой библиографии несомненно, она служит материалом для истории литературы и науки, однако широкие слои демократических читателей нуждаются в другой библиографии, дающей оценку произведениям печати. Эта вторая библиография — детище журналистики, ее орудие в борьбе за прогрессивную литературу и общественную мысль. Объектом журнальной библиографии является та часть словесности, которая принадлежит уже собственно литературе, выражающей духовную сущность народа. Давая оценку литературным произведениям, журнальная библиография близко смыкается с критикой, является «низшей практической» или «малой» критикой. Разница между ними не принципиальная, а количественная. Рецензированию должны подвергаться только такие сочинения, о которых (или по поводу которых) можно высказать суждения, имеющие принципиальное значение. Одной из функций журнальной библиографии является, по мнению Белинского, рекомендация лучших книг.

Эту систему взглядов Белинский воплотил в 1847 году в «Современнике» Н. А. Некрасова и И. И. Панаева. Здесь Белинский отказался от рецензирования тех произведений, которые он считал выходящими из круга литературных явлений. Критика и рецензии на наиболее существенные книги объединены были им в один отдел, а описание всех выходящих книг было вынесено в приложение к журналу. Таким образом, рецензии в журнале впервые были отделены от регистрационных списков как композиционно, так и по своим объектам. Эта реформа, опережавшая журнальную практику эпохи, после смерти Белинского в «Современнике» не удержалась.

Некоторое значение для развития теории имели посвященные библиографии статьи в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара (т. 5, 1836). Три статьи были написаны К. М. Базили, одна — П. И. Кеппеном. Статьи эти, не отличавшиеся особой глубиной раскрытия темы, интересны тем, что показывают понимание задач и предмета библиографии определенными кругами научной общности. В отличие от Сопикова и Анастасевича, трактовавших библиографию чрезвычайно расширитель-

но, как комплекс книговедческих дисциплин, Базили ограничивал ее задачи описанием и систематизацией произведений печати, игнорируя к тому же критико-библиографическую информацию на страницах современных ему периодических изданий. Кеппен в своей статье, наоборот, подчеркивал слабое развитие в России «критической библиографии» как серьезный недостаток.

В условиях реакции, наступившей в конце 40-х годов, развитие теории библиографии резко затормозилось. В статьях и выступлениях деятелей этого времени, за исключением В. Г. Белинского, нет и следа понимания просветительной роли библиографии.

Глава шестая

БИБЛИОГРАФИЯ В ПЕРИОД УТВЕРЖДЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА И РАЗНОЧИНСКОГО ЭТАПА ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Библиография конца 50-х и 60-х годов XIX века

Поражение России в Крымской войне, вскрывшее вопиющую отсталость страны в экономическом и политическом отношении, явилось началом нового подъема общественного движения. Недовольство политикой царизма охватило широкие слои русского общества и привело к обострению классовых противоречий.

В 1859—1862 годах сложилась революционная ситуация, подготовленная как самим ходом исторического развития России, так и могучей проповедью А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. Крестьянские волнения в России, революционное брожение в Финляндии и Польше (вылившееся позднее в польское восстание 1863 года), выступления передового студенчества — все это свидетельствовало о возможности революционного взрыва в России. Однако разрозненность этих выступлений позволила царизму затормозить развитие революции. Вместе с тем правительство вынуждено было провести ряд буржуазных реформ. К 1861—1874 годам относятся крестьян-

ская, земская, судебная, военная и другие реформы, расчистившие дорогу русскому капитализму.

Развитие производительных сил страны явилось мощным стимулом для расцвета материалистической науки. В 60-е годы XIX века появляется плеяда замечательных естествоиспытателей, среди которых — И. М. Сеченов, И. И. Мечников, С. П. Боткин, братья А. Н. и Н. Н. Бекетовы и А. О. и В. О. Ковалевские, К. А. Тимирязев. Мощный толчок получает развитие техники. Новое содержание приобретают науки общественного цикла, в большей мере отражающие насущные потребности эпохи.

Общественный подъем 60-х годов, развитие науки и культуры, рост грамотности населения явились причиной интенсивного роста книгопечатания. В 1867 году по сравнению с 1850-м число изданных книг увеличивается почти в два раза. В особенности возрастает количество книг по естественным наукам и социально-экономическим вопросам. Заметно увеличивается и число книг для народа; впервые издаются научно-популярные сочинения по вопросам естествознания.

Бурный рост журналистики и особенно газетного дела является одной из типичнейших черт этой эпохи.

Заметно возрастает и общественное влияние печати, явочным порядком завоевавшей право обсуждать насущные политические и экономические вопросы. Особенной популярностью и авторитетом пользовались журналы прогрессивного направления и в первую очередь «Современник» Некрасова и Чернышевского, ведущий орган революционной демократии.

Общественный подъем середины 50-х — начала 60-х годов сказался и на развитии библиографии. Характернейшее явление этого периода — становление и выход на широкую общественную арену рекомендательной библиографии демократического направления.

По-прежнему популярностью пользуется журнальная библиография. Наряду с критико-библиографической информацией на страницах периодических изданий занимает прочное место и текущая регистрационная библиография, интерес к которой проявляют широкие круги новой разночинной интеллигенции.

С середины XIX века начинается интенсивный рост отраслевой и тематической библиографии, занимающей все более заметное место в системе библиографических

пособий*. Происходит становление библиографической периодики. Из трудов по общей библиографии, изданных в это время, выделяется по своему научному уровню «Описание славяно-русских книг и типографий 1698—1725 годов» П. П. Пекарского, представлявшее собой вторую часть его исследования «Наука и литература при Петре Великом» (1862 г.).

Появляются первые труды по библиографии библиографии.

В 60-е годы царское правительство в своей борьбе с демократическим и революционным движением пытается взять на вооружение библиографию. Возникает официальная и «министерская» рекомендательная библиография, отражающая идеологию реакционных кругов и противопоставляемая демократическим рекомендательным пособиям. Организуется правительственная регистрация вновь выходящих книг и правительственная библиография запрещенных и нелегальных изданий.

Некоторые сдвиги наблюдаются в теории библиографии. Закладываются методические основы библиографии рекомендательной. Библиография в целом осознает свои цели и задачи как вспомогательная научная дисциплина.

Великие русские революционные демократы Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов много и плодотворно работали в области журнальной библиографии, продолжая традиции В. Г. Белинского.

В работах Чернышевского и Добролюбова содержится ряд высказываний, характеризующих их отношение к библиографии. Собранные воедино, они представляют собой стройную систему взглядов.

Революционные демократы признавали большую ценность библиографии как вспомогательной научной дисциплины, подчеркивали ее справочную роль. Вместе с тем в работах Чернышевского и особенно Добролюбова содержится множество выпадов и насмешек по адресу библиографов и библиографии. Причину этого нельзя понять, если не разобраться

* Общая характеристика развития специальной, а также краеведческой библиографии второй половины XIX века дается в параграфе, посвященном библиографии 70-х — начала 90-х годов. Там же рассматривается и книготорговая библиография.

в том, что вкладывалось в 40—60-х годах в понятие «библиография». Под библиографией наряду с собственно библиографическими работами понимали в это время и нарождающуюся текстологию, и историко-литературные разыскания. В 50-х годах происходит становление истории литературы как науки; для этого этапа характерным является сбор фактов, иногда мелких и несущественных, увлечение деталями биографического характера. В литературной критике утверждается так называемое фактическое, или библиографическое, направление, подменявшее философский и эстетический анализ произведений разысканиями отдельных фактов истории литературы. Некоторые из этих работ представляли известную ценность и впоследствии были использованы для построения научной истории литературы. Однако Чернышевский и Добролюбов боролись с засильем библиографического направления в литературоведении, рассматривая его как шаг назад от Белинского, как забвение заветов великого критика. Poleмический задор заставлял Добролюбова огульно отрицать какое бы то ни было значение подобных работ, что было, конечно, крайностью.

Борьба за идейную критику, против ухода в мелкие подробности, борьба упорная и страстная, дала положительные результаты. В своих работах второй половины 50-х годов и Добролюбов и Чернышевский отмечают, что это течение «упадает», «мода на печатание черновых бумаг уже проходит». «В последнее время,— отмечает Добролюбов в 1858 году,— и библиография переменила свой характер: она обратила свое внимание на явления, важные почему-нибудь в истории литературы, она старается в своих поисках по архивам и библиотекам отыскать что-нибудь действительно интересное и нередко сообщает читателям вещи, доселе бывшие вовсе неизвестными в печати»*. Добролюбов объясняет этот поворот в литературоведении «одушевлением» эпохи общественного подъема.

Таким образом, революционные демократы боролись за боевую, общественно заостренную литературную критику, против библиографического направления в литературоведении.

* Н. А. Добролюбов. Сочинения А. С. Пушкина, т. VII.— В кн.: Н. А. Добролюбов. Собр. соч. Т. 2. М.—Л., Гослитиздат, 1962, с. 165.

Чернышевский и Добролюбов высказывались и по поводу «собственно библиографии», рецензировали все сколько-нибудь значительные библиографические труды. Библиографические работы, указывал Добролюбов, должны преследовать цели помощи читателю путем разумного отбора наиболее важной литературы. Такой указатель должен носить характер «обозрения», должен быть снабжен замечаниями, раскрывающими содержание и ценность включенных в него произведений. Возможны и чисто справочные издания с полным подбором литературы вопроса. Такие указатели будут иметь более узкий круг читателей-специалистов. Очень серьезные требования предъявлял Добролюбов и к систематизации литературы, требуя от библиографов работы с произведениями печати *de visu*. Революционные демократы боролись против библиофильских тенденций некоторых библиографов, которые в погоне за паритетами забывали о живом содержании библиографии.

Высказывания революционных демократов явились методологической основой нарождавшейся рекомендательной библиографии. М. Л. Михайлов, например, считал основной целью библиографии анализ содержания книг и помощь читателю в их выборе. Рекомендательные функции библиографии подчеркивали Н. А. Добролюбов и Д. И. Писарев. Это было продиктовано стремлением вернуть библиографию лицом к читателю-разночинцу, властно заявлявшему о своих правах.

Как и в первой половине века, библиография на страницах периодических изданий в 50—60-х годах играет заметную роль в политической и культурной жизни общества, обогащаясь новыми жанрами.

Традиционная критико-библиографическая информация значительно уменьшается в объеме, рецензируются только те книги, которые соответствуют профилю данного журнала.

Рецензия продолжает оставаться специфическим журнальным жанром, наиболее прочно удерживающимся на страницах периодики. Критическому освещению выходящей в свет печатной продукции уделяют внимание лучшие журналы этого времени, и в первую очередь «Современник» Некрасова и Чернышевского. Для рецензиро-

вания в библиографическом отделе «Современника» отбирались книги, которые давали возможность высказать идеи, разделявшиеся редакцией журнала, или опровергнуть враждебные. Книги индифферентные в смысле направления не подвергались критическому рассмотрению. Считая, подобно Белинскому, библиографический отдел передового журнала трибуной общественного мнения, руководители «Современника» старались обращать внимание читателей, как говорил Н. Г. Чернышевский, на серьезные книги живого содержания. Боевое, публицистическое звучание критической библиографии «Современника» завоевало ей широкую популярность у демократического читателя.

Кроме рецензий на вновь выходящие книги, журнал помещал и отдельные библиографические труды по актуальным вопросам. Так, в период подготовки крестьянской реформы в журнале публиковалась «Библиография статей по вопросу об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян». После смерти Добролюбова в «Современнике» был напечатан написанный Чернышевским некролог безвременно скончавшегося критика с библиографией его статей, которая сыграла значительную роль в пропаганде трудов Добролюбова.

«Современник» внимательно следил за развитием отечественной библиографии и рецензировал все важнейшие библиографические труды.

Традиции «Современника» продолжали и другие журналы прогрессивного лагеря, в первую очередь «Отечественные записки», перешедшие в 1868 году к Н. А. Некрасову.

В «Отечественных записках» публикуется большое число рецензий на важнейшие отечественные издания; особенно широко освещались книги по гуманитарным наукам и художественная литература. В «Отечественных записках» публиковались и другие библиографические материалы, например рекомендательный указатель В. И. Водовозова, посвященный книгам по естествознанию и математике. Большое внимание критическому освещению текущей литературы уделял журнал Г. Е. Благосветлова «Русское слово» (1860—1866), критический отдел которого вел Д. И. Писарев, а библиографический — В. А. Зайцев (в 1863—1865 гг.) и П. Н. Ткачев (в 1866 г.). «У Зайцева библиография была не сухим и

скучным отзывом о книгах, — вспоминал впоследствии известный публицист и общественный деятель Н. В. Шелгунов, — эта была пропаганда и публицистика в форме библиографии, живая, горячая, боевая, писанная именно кровью сердца и соком нервов. Каждый отдельный отзыв заключал в себе цельную, законченную мысль, и все эти отдельные мысли составляли одно законченное общее, проникнутое одной идеей»*. «Русское слово» уделяло особое внимание рецензированию книг по естественным наукам и общественным вопросам.

Наряду с критико-библиографическими материалами журналы этого времени уделяют значительное внимание и текущей регистрации. Возросшим кадрам разночинной интеллигенции нужна была полная информация о выходящей в стране печатной продукции. Правительственного органа, занимающегося библиографической регистрацией, до 1867 года не существовало; библиография на страницах «Журнала министерства народного просвещения» прекратилась, как было уже сказано, в 1855 году, и ее функции приняли на себя частные периодические издания.

Первым журналом, откликнувшимся на эту общественную потребность, были «Отечественные записки». А. А. Краевский обратился к директору Публичной библиотеки М. А. Корфу с просьбой о предоставлении журналу списков новых книг, получаемых библиотекой в качестве обязательного экземпляра. В течение 1856—1857 годов в приложении к «Отечественным запискам» печатались «Библиографические листки» — полные перечни изданных в России книг и других видов печатной продукции, составленные регистратором Библиотеки, впоследствии видным библиографом В. И. Межовым. Аналогичные списки были опубликованы в «Русской беседе» (за 1855—1857 годы) и в «Журнале министерства внутренних дел» (за 1858—1859 годы). Они также были составлены Межовым по обязательному экземпляру Публичной библиотеки. Из этого же источника получал сведения о вновь выходящих изданиях журнал «Книжный вестник».

* Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания. В 2-х т. Т. 1. М., «Худож. литература», 1967, с. 225. (Серия литературных мемуаров).

Академией наук была сделана попытка вести библиографическую регистрацию по получаемому ею обязательному экземпляру. В «Прибавлении» к «Известиям Академии наук по отделению русского языка и словесности» (1856 г.) был напечатан «Русский библиографический указатель за 1855 год», составленный сотрудником Библиотеки Академии наук П. П. Ламбиным. Этот труд получил высокую оценку Н. Г. Чернышевского.

Однако попытки универсальных и специальных журналов организовать регистрацию текущей печатной продукции не были долговечными. Одной из причин этого была громоздкость и «сухость» подобных материалов. Библиографическая регистрация нашла свое место на страницах появившихся в это время библиографических периодических изданий.

С конца 50-х до конца 60-х годов возникло множество библиографических журналов различного типа, большей частью недолговечных. Наиболее интересными являются два издания — «Библиографические записки» и «Книжный вестник». Содержание и структура этих журналов дают наглядное представление как о широте, так и о некоторой зыбкости понимания задач и жанровых черт библиографической периодики.

«Библиографические записки» (1858—1859, 1861) рассматриваются ныне как журнал по преимуществу историко-литературный. Он заполнялся в основном публикациями неизвестных или забытых произведений отечественной литературы (в частности, за три года в журнале были опубликованы 22 статьи и заметки о Пушкине). Прогрессивную направленность журнала характеризуют и публиковавшиеся в нем материалы из архива П. Я. Чаадаева, статья о П. И. Пущине, документы о раскольниках, большое количество заметок о литературе XVIII века. Журнал печатал и чисто библиографические работы. Так, им был опубликован первый в России библиографический указатель о Пушкине (Г. Н. Геннадина) и один из ранних рекомендательных списков — «Книги для школ и народного обучения» (того же автора). В редакцию журнала входили литературоведы и библиографы — А. Н. Афанасьев, Е. И. Якушкин, Н. В. Гербель, М. П. Полуденский, П. А. Ефремов. Все они были людьми прогрессивных убеждений и, как это недавно доказано, имели тесную связь с Вольной русской печа-

тью А. И. Герцена. Ряд материалов, которые не могли быть помещены в «Библиографических записках», были опубликованы в изданиях Герцена*. Журнал печатал также рецензии на библиографические указатели, хронику библиотечной жизни страны и т. п.

Особое место среди библиографической периодики этих лет занимает «Книжный вестник» (1860—1867), основным содержанием которого было критическое освещение выходящей в свет печатной продукции. Опиравшийся на опыт библиографических отделов лучших универсальных журналов, «Книжный вестник» давал читателям и информацию о новой литературе и ее оценку. Журнал был рассчитан на широкий круг демократических читателей, а также на работников книжной торговли. Это обеспечило ему сравнительную долговечность и большой для своего времени тираж.

Регистрационные списки текущей печатной продукции составляли для журнала сотрудники Публичной библиотеки на основе обязательного экземпляра. В этих списках находила отражение почти вся русская книжная продукция, кроме ряда официальных и ведомственных изданий.

Но популярности журнала среди широких кругов интеллигенции способствовали не столько эти списки, сколько рецензии на новую литературу, публиковавшиеся в каждом номере. В журнале рецензировалась художественная, общественно-политическая, естественнонаучная литература, печатались обзоры статей из важнейших журналов и статьи по вопросам книжного дела и библиографии.

Последовательно сменявшиеся редакторы оказывали определенное влияние на идеологическое направление помещаемых в журнале материалов.

Первый год журнал издавался Ю. М. Богушевичем, впоследствии видным чиновником. Под его редакцией «Книжный вестник» велся в духе умеренного либерализма. Рецензированию книжных новинок на его страницах уделялось мало внимания. Значительные изменения претерпел «Книжный вестник», перейдя в руки прогрессивного книготорговца Н. А. Сеньковского, расширивше-

* См. об этом: Н. Я. Эйдельман. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., «Мысль», 1966, с. 149—162.

го круг сотрудников и уделявшего особое внимание критическому освещению выходящей в свет литературы. Во время редакторства Сеньковского (1861—1864) в журнале ежегодно помещалось до 200 рецензий на книги по различным отраслям знаний, причем значительное место уделялось естественнонаучной литературе. Журнал публиковал библиографические труды рекомендательного характера, среди которых — «Лучшие детские книги» Ф. Г. Толля. В целом позиция журнала в эти годы была прогрессивной; издание преследовало широкие культурно-просветительские цели.

Со второй половины 1864 года до конца 1865 редактором журнала был известный литературовед и библиограф П. А. Ефремов, при котором «Книжный вестник» продолжал следовать демократическому направлению. Ефремов, заботясь о высоком уровне рецензий, привлек к сотрудничеству в журнале способных молодых ученых и видных библиографов, перешедших в журнал из прекратившихся «Библиографических записок» — А. Н. Афанасьева, Г. Н. Геннади, Н. В. Гербеля и других. «Книжный вестник» этого времени ориентируется на более квалифицированного читателя, помещает целый ряд серьезных рецензий на историко-литературные и библиографические труды.

В последний период своего существования «Книжный вестник», под редакцией близкого к революционным кругам журналиста Н. С. Курочкина, превращается в боевой критический орган. Редакция декларирует свое желание «приносить пользу общественному развитию», воспитывать мировоззрение читателя. Критические материалы становятся ведущими в журнале. Среди его сотрудников появляются революционно настроенная молодежь — Н. Д. Ножин, будущий идеолог народничества Н. К. Михайловский и другие. Однако материальная база журнала в это время была очень шаткой; он выходил все менее регулярно, а в середине 1867 года, в связи с банкротством издававшей его книготорговой фирмы, прекратил свое существование. Закрытие «Книжного вестника» способствовали и тяжелые условия, в которые была поставлена печать после покушения Каракозова на Александра II.

«Книжный вестник» — один из лучших русских библиографических журналов — разделил судьбу других

прогрессивных изданий, пытавшихся пропагандировать передовые идеи эпохи.

Возникновение
рекомендательной
библиографии

В период подготовки и проведения крестьянской реформы в печати наряду с другими важнейшими общественными проблемами горячо обсуждался и вопрос о народном образовании и в связи с этим, о литературе для народа. До 60-х годов XIX века «народная литература» была представлена почти исключительно лубком и религиозно-нравственными брошюрками. В 60-е годы впервые появляются научно-популярные книги для народного чтения по вопросам естествознания и сельского хозяйства. Правда, таких книг было еще очень мало. Издаются также популярные книги для интеллигенции (Сеченова, Тимирязева и других ученых), излагающие основы естественных наук.

Тяга разночинного читателя к знаниям, преимущественный интерес русского общества 60-х годов к естественным наукам, забота о просвещении народа нашли свое выражение в рекомендательной библиографии прогрессивного направления, использовавшей богатый опыт передовой журнальной библиографии.

Попытка рекомендовать книги, «годные для употребления в воскресных школах», была предпринята «Русским педагогическим вестником». В 1861 году при Вольном экономическом обществе был организован Петербургский комитет грамотности, в состав которого входила Комиссия по одобрению книг, регулярно публиковавшая рекомендательные списки литературы «для народного чтения». Составлявшиеся вначале представителями передовой разночинной интеллигенции, списки эти впоследствии, попав в руки либералов, приобретают в условиях реакции все более благонамеренный характер.

В числе первых членов Петербургского комитета грамотности были два автора рекомендательных указателей демократического направления — А. Ф. Петрушевский и Ф. Г. Толль. Петрушевский опубликовал в 1862—1863 годах на страницах «Артиллерийского журнала» рекомендательный указатель «Книги для солдат», преследовавший культурно-просветительские цели. Ф. Г. Толль был автором замечательного для своего времени указателя «Наша детская литература» (1861—1862). Типичный «шестидесятник», бывший участник кружка

М. В. Петрашевского, Толль в этом указателе сделал основной упор на познавательную книгу, пропагандирующую основы естественных наук и способствующую выработке материалистического мировоззрения. Труд Толля мог быть с успехом использован и для руководства народным чтением. Во «Введении» к указателю Толль сформулировал основные принципы рекомендательной (педагогической) библиографии, характеризующие его как последователя революционных демократов.

Продолжателем Толля в рекомендательной библиографии был известный педагог В. И. Водовозов, опубликовавший в 1868—1870 годах на страницах «Отечественных записок» «Обзор книг и руководств для общего образования». Этот труд был задуман очень широко, как рекомендательное пособие по всем отраслям знания; однако опубликована была только первая часть, содержащая лучшие книги по естествознанию и математике. Отбирая книги для указателя, Водовозов, подобно Толлю, обращал внимание на то, «какие положительные знания они сообщают» и каково их идеологическое направление. На работе Водовозова ярко сказались материалистическое и атеистическое мировоззрение автора, его просветительские взгляды.

Появление и успех рекомендательной библиографии демократического направления вызвали тревогу в официальных кругах и среди церковников, которые, в противодействие ей, предприняли попытку создания охранительной библиографии. С 1863 года министерство народного просвещения регулярно издает библиографические списки книг, рекомендованных для школьных и народных библиотек. Духовенство, озабоченное мировоззрением своих прихожан, также берет на вооружение рекомендательную библиографию.

Таким образом, уже при своем возникновении рекомендательная библиография явилась ареной ожесточенной идеологической борьбы между представителями демократического и реакционного лагерей. Одним из центральных моментов в этой борьбе был вопрос о включении религиозных книг в указатели для народного и детского чтения. С точки зрения властей и церкви религиозная книга являлась основой воспитания, поэтому она усердно внедрялась в чтение. Деятели прогрессивной педагогики, считая важнейшей задачей борьбу с влия-

нием религиозной литературы, противопоставляли ей книгу познавательную.

Официальная
регистрация
произведений печати

Отсутствие государственной библиографической регистрации особенно заметно ощущалось русским обществом со второй половины 50-х годов. Возросшие потребности науки и книжной торговли, всеобщий интерес к литературе обусловили необходимость регулярной информации о вновь выходящих книгах. Как уже говорилось, эту функцию приняли на себя универсальные и библиографические журналы; но эти опыты были недолговечны. Организация регулярного библиографического учета была под силу только правительственным учреждениям. Однако царское правительство, весьма холодно относившееся к успехам просвещения, не принимало никаких мер для организации подобного учета. Бюрократическое руководство Публичной библиотеки также не откликнулось на призывы наладить информацию о новых книгах на основе ее обязательного экземпляра.

События политического порядка вынудили правительство взять дело библиографирования текущей печатной продукции в свои руки.

В 1865 году были приняты временные правила, согласно которым от предварительной проверки в рукописи освобождались русские книги объемом более 10 печатных листов и часть периодических изданий. Но взамен устанавливалась практика административного и судебного преследования неугодных правительству книг и журналов после их выхода в свет. Правительству потребовалось введение регистрации выходящей в России печатной продукции, что было поручено Главному управлению по делам печати.

С 1869 года еженедельно в газете «Правительственный вестник» публиковались почти без какой бы то ни было систематизации и вспомогательных указателей регистрационные списки. Издания официальные, ведомственные, духовные отражены в этих списках далеко не полностью. Регистрация на страницах «Правительственного вестника» велась до 1902 года включительно, с перерывом в 1877—1878 годах. Пользоваться ею было крайне затруднительно. Подлинного информационного значения она, в сущности, не имела.

В 1872—1878 годах материалы правительственной регистрации публиковались также в «Указателе по делам печати», органе Главного управления по делам печати. Любопытно отметить, что этот журнал имел неожиданный для правительства успех, в особенности среди книготорговцев, которые остро нуждались в сведениях о вновь выходящих книгах.

Однако ни материалы «Указателя по делам печати», ни тем более списки, печатавшиеся в «Правительственном вестнике», не могли удовлетворить общественную потребность в текущей библиографической регистрации. И потому параллельно с этими изданиями библиографы и книготорговцы пытались своими силами наладить учет вновь выходящей литературы. В 1879 году вышел в свет труд А. С. Голубева и Н. П. Собко «Русская библиография», в котором был помещен сводный систематический указатель книг за 1878 год. В журнале «Российская библиография», издававшемся книгопродавцем и издателем Э. К. Гартье, публиковался в 1879—1882 годах «Указатель новых изданий». Под таким же названием печатались в 1884—1894 годах списки новых книг в «Библиографе» Н. М. Лисовского. Наладить текущую библиографическую регистрацию пытались и другие журналы, такие как «Библиографические записки» П. П. Шибанова (1892 г.) и «Книговедение» (1894—1896 гг.).

Тем не менее ни все эти попытки частных лиц, ни правительственная регистрация, вместе взятые, не могли обеспечить полноценного учета вновь выходящей печатной продукции.

Вопросы теории и методики библиографии

Развитие библиографии в 50—60-х годах повлекло за собой и оживление в теории библиографии. Статьи о библиографии, ее сущности и задачах помещаются на страницах общей и специальной периодики. В этих статьях намечается различное понимание предмета библиографии.

В 50—60-х годах ученые и журналисты относили к библиографии, кроме собственно библиографических работ, также текстологические труды и историко-литературные разыскания. Более того, собственно библиография считалась лишь «вспомогательной отраслью» этой обширной науки.

На особом положении продолжала оставаться журнальная библиография, игнорируемая библиографами академического толка, но пользовавшаяся широкой популярностью у читателей. Нарождавшаяся в 60-х годах рекомандательная библиография опиралась на принципы и методы, выработанные журнальной критико-библиографической информацией.

Различное понимание предмета библиографии влекло за собой и различное понимание ее задач.

Библиографы академического толка требовали от библиографии описания, систематизации литературы, от составителей — знания книг по содержанию и умения ориентироваться в литературном богатстве, но критическая оценка книг ими отвергалась, как выходящая за пределы задач библиографии.

Напротив, деятели журнальной и рекомандательной библиографии требовали от нее публицистического накала, критического рассмотрения произведений печати, руководства чтением. Такие высказывания мы встречаем у революционных демократов и людей, близких к ним по своим убеждениям.

В тесной связи с подобным пониманием задач библиографии стояла и проблема отбора, в высшей степени существенная для рекомандательной библиографии. Сознательное игнорирование религиозной и верноподданнической литературы представителями передовой рекомандательной библиографии, продвижение ее реакционерами — все это были вопросы первостепенной важности, определявшие идейные позиции библиографов. В предисловиях к лучшим рекомандательным указателям того времени (Толль, Водовозов) принципы отбора литературы по ее познавательной ценности и идеологической направленности были сформулированы вполне отчетливо.

Публицисты демократического лагеря требовали активного вмешательства библиографии в борьбу мнений, считая библиографию наряду с критикой «одним из могущественных орудий развития новых взглядов»*. Эта плодотворная тенденция была впоследствии развита представителями революционной рекомандательной библиографии.

* П. Л. Лавров. Письмо в редакцию. — «Библиограф», 1869, № 1, с. 1—14.

Таким образом, в 60—70-х годах библиография, сделавшись одной из насущных потребностей общественной жизни, уже вполне отчетливо различается по политическому направлению. Библиография становится ареной идеологической борьбы, и ее вопросы занимают не только библиографов, но и относительно широкий круг представителей общественности.

Интерес к вопросам библиографии и успехи ее обусловили и появление трудов по библиографии второй степени. В 1858 году вышла в свет первая в мире национальная ретроспективная библиография второй степени — «Литература русской библиографии». Автором ее был видный библиограф Г. Н. Геннади (1826—1880). Целью этого труда было, как писал составитель, «приведение в известность и указание в систематическом порядке по возможности всего, что напечатано в России по предмету библиографии». В соответствии с пониманием библиографии как книговедения Геннади, кроме собственно библиографических работ, включил также статьи по вопросам библиотечного дела, истории книги, полиграфического производства и т. п. «Литература русской библиографии» подводила итог развитию русской библиографии с начала ее существования до 1855 года и поэтому может рассматриваться как одна из ранних попыток построения истории библиографии.

Значительный интерес представляет послесловие к этому труду, в котором Геннади поставил вопрос о создании репертуара русской книги силами научной общественности. «Литература русской библиографии» получила положительные отзывы в русской и зарубежной печати, в том числе и в «Современнике», который поддержал, в частности, мысль о необходимости создания общей библиографии русской книги и отметил пользу путеводителей по библиографии.

С именем Г. Н. Геннади связана и одна из первых методических работ. В 1858 году на страницах «Русского библиографического листка» (№ 4, с. 235—236) была опубликована его статья «О летописи русских книг», явившаяся ответом на вопрос редакции, «каким образом довести до безукоризненной полноты перечни всех книг, поступающих в продажу?» В этой статье Г. Н. Геннади говорит о необходимости точного и единообразного описания, требует обязательного раскрытия содержания

сборников, провозглашает систематический порядок наиболее научным и удобным способом расположения материала в библиографических указателях.

Библиография в 70-х — начале 90-х годов XIX века

Развитие капитализма в России вызывает нарастание классовых противоречий, обострение классовой борьбы. На смену революционным демократам приходят народники. Революционное народничество 70-х годов, несмотря на свои ошибки, сыграло большую роль в русском революционном движении.

В это же время оживляется и буржуазно-либеральное движение. Имевшее некоторое положительное значение на общем фоне общественного подъема, оно в условиях наступившей затем реакции быстро выдыхается.

В 1879—1880 годах в России снова назрела революционная ситуация. Волнения среди крестьян, выступления пролетариата, деятельность первых рабочих союзов — все это свидетельствовало о крайнем обострении классовых противоречий в стране.

После убийства Александра II (1881) начинается реакция. Разгром народнических организаций вызывает глубокий идейный кризис в их рядах. Революционное народничество к 90-м годам вырождается в либеральное, проповедующее теорию «малых дел».

Часть бывших народников-эмигрантов организует первую марксистскую группу «Освобождение труда». Наступает эпоха проникновения марксизма в Россию. Возникают десятки подпольных кружков и организаций, члены которых изучают и пропагандируют учение Карла Маркса.

Русская библиография этого периода характеризуется дальнейшим развитием возникших ранее видов и жанров.

Значительного расцвета достигает рекомендательная библиография, которая служит прямым орудием идеологической и политической борьбы. Значительно расширяется сфера ее общественного влияния.

Расцвет русской науки стимулирует развитие специальной библиографии. Впервые появляются капитальные

указатели естественнонаучной литературы, ведущая роль в создании которых принадлежит научной общественности. Широко развивается биобиблиография.

В связи с интенсивным ростом книгопечатания, возникновением крупных книготорговых фирм и ожесточенной конкуренцией между ними происходит расцвет книготорговой библиографии.

Распространение капитализма «вширь», освоение окраин России оказывают заметное влияние на становление библиографии краеведческой. Развивается и библиография национальной книги.

В самостоятельную отрасль оформляется библиография периодической печати, зачатки которой появились еще в начале XIX века.

Либерально-буржуазное просветительство, народничество, нарождавшийся марксизм использовали рекомендательную библиографию как одно из средств пропаганды своих идей. Им противостояла охранительная рекомендательная библиография, исходящая от министерства народного просвещения, духовного и военного ведомств и других официальных учреждений, а также некоторых общественных организаций реакционного направления.

Новым в рекомендательной библиографии становится появление указателей, изданных участниками подпольных кружков. Указатели, которые должны были способствовать выработке революционного мировоззрения и общему самообразованию членов революционных кружков, широко распространялись по всей России и сыграли немалую роль в пропаганде прогрессивных идей. Большая часть этих указателей печаталась на гектографе или мимеографе и только в единичных случаях их удавалось издавать типографским способом*.

К числу последних относятся три известных нам указателя: два, изданные в Одессе, и один, изданный в Челябинске. Все они были выпущены под видом легальных книг (Каталог систематического чтения. Одесса, 1882; Каталог систематического чтения. Второе, испр. и доп. изд. книгопродавца Е. П. Распопова. Одесса, 1883; Си-

* См.: С. А. Рейсер. Подпольная рекомендательная библиография 70—80-х годов.— «Сов. библиография», 1960, №1, с. 54—69.

стематический указатель лучших книг и журнальных статей 1856—1883. Челябинск, изд. библиотеки т-ва «Братья Покровские», 1883). Эти указатели были конфискованы, однако успели широко разойтись и сыграли большую роль в пропаганде революционных идей.

Оба издания одесского «Каталога систематического чтения», составленные киевским кружком народолюбцев, охватывают литературу по всем отраслям знания, причем очень значительное место отведено беллетристике. Художественная литература, сопровождаемая ссылками на критические статьи Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева и других критиков прогрессивного лагеря, была сгруппирована здесь по тематическим рубрикам, имевшим острое политическое звучание («Социальное положение русского общества», «Типы прогрессивные», «Народ в беллетристических произведениях» и др.). Специально выделены разделы «Социально-экономические вопросы современности» и «Политическая экономия», в последнем рекомендовался «Капитал» Маркса (правда, наряду с «Теорией народонаселения» Мальтуса). Подбор материала в целом свидетельствует о народнических симпатиях составителей. Второе издание этого каталога, выпущенное в количестве 3600 экземпляров, разошлось по всей России и пользовалось большой популярностью у радикальной молодежи.

Еще ярче и интереснее был челябинский «Систематический указатель», составленный подпольным гимназическим кружком г. Троицка. В указателе была представлена художественная и общественно-политическая литература, охватывавшая широкий круг социально-экономических проблем. Здесь мы встречаем литературу по философии, истории, по рабочему вопросу и капитализму. Народнические взгляды составителей указателя не помешали им пропагандировать марксистскую политическую экономия. Раздел «Политическая экономия» возглавлен «Капиталом» Маркса, после которого следует ряд работ популяризаторов марксизма. Хотя в этом указателе, так же как и в одесском «Каталоге», были даны лишь легальные издания, самый подбор и расположение литературы служили выработке радикального мировоззрения. Челябинский «Систематический указатель» использовался не только в народнических, но и в ранних марксистских кружках. Впоследствии он размножался

на гектографе в несколько переработанном виде, с включением новой марксистской литературы.

В 80-е годы XIX века широкое распространение получила рекомендательная библиография либерально-народнического и буржуазно-либерального направления. Лишенная политической остроты революционной рекомендательной библиографии, проникнутая идеями культурничества и мирного просветительства, она тем не менее сыграла положительную роль.

Так, выдающимся для своего времени явлением был капитальный указатель «Что читать народу?» (т. I—III, 1884—1906), созданный кружком харьковских учительниц под руководством Х. Д. Алчевской (1843—1920). Руководя в течение многих лет воскресной женской школы, Алчевская со своими сотрудницами обучила и приобщила к чтению несколько тысяч человек. Кроме того, харьковскими учительницами были организованы регулярные чтения для малограмотных и неграмотных крестьян окрестных деревень. И в школе, и на чтениях записывались впечатления и мнения читателей.

Результатом этой многолетней работы и явился указатель «Что читать народу?». Первые два тома включают около 2500 книг по всем отраслям знания. Сюда вошли только книги, официально допущенные для народного чтения.

Кроме критических аннотаций и указаний на рецензии в указатель были включены отзывы читателей о книгах. Этот метод, впервые примененный в русской библиографии, придал труду Алчевской особую убедительность. Указатель «Что читать народу?» получил высокую оценку Г. И. Успенского и Л. Н. Толстого.

Либерально-народнические устремления кружка Алчевской, звучавшие более или менее прогрессивно в 80-х годах, в дальнейшем все более отстают от развития передовой общественной мысли. Третий том «Что читать?», изданный в 1906 году, был уже для этого времени реакционным явлением.

Наряду с рекомендательной библиографией для народа в 80—90-х годах издавались и указатели для интеллигенции, преследовавшие цели помощи образованию и самообразованию. Одним из лучших таких указателей был коллективный труд группы московских и петербургских ученых (Книга о книгах. Толковый указатель для

выбора книг по важнейшим отраслям знания. Под ред. И. И. Янжула. Ч. I—II. М., 1892). В составлении указателя приняли участие виднейшие ученые: К. А. Тимирязев, И. М. Сеченов, М. М. Ковалевский, А. Г. Столетов и другие. Это обеспечило высокий уровень отбора литературы, русской и иностранной, и компетентное аннотирование ее. «Книга о книгах» предназначалась, как было сказано в предисловии, для «представителей так называемого образованного общества (не ниже лиц, получивших среднее образование) и затем университетской молодежи, желающей иметь в своих руках точный список учебников и важнейших монографий для занятия наукой уже академического характера».

Буржуазно-либеральная направленность этого указателя сказалась наиболее отчетливо в его общественно-политических разделах. Хотя ряд экономических трудов Маркса (разумеется, разрешенных к обращению в России) и был включен в указатель, симпатии редактора, видного либерально-буржуазного экономиста, были явно не на стороне марксизма. В предисловии к указателю весьма прозрачно намекалось на неприятие составителями «так называемых систематических каталогов <...> отличавшихся большей частью односторонностью и тенденциозностью», то есть рекомендательных указателей революционного направления. Тем не менее указатель «Книга о книгах» сыграл известную положительную роль, давая сведения о большом количестве ценной в научном отношении литературы. Известно, что им пользовался В. И. Ленин.

Буржуазно-либеральный характер носили и «Программы для домашнего чтения». Эти программы были адресованы лицам, которые хотели серьезно и основательно ознакомиться с тем или другим научным отделом, но не имели возможности изучить этот отдел в высшей школе. Такие программы издавали две общественные организации: Комиссия по организации домашнего чтения при учебном отделе Общества распространения технических знаний (в Москве) и Особый отдел Комитета Педагогического музея военно-учебных заведений (в Петербурге). Программы пользовались большим успехом и в течение 90-х и 900-х годов многократно переиздавались. Московские программы были выдержаны в либерально-буржуазном духе, петербургские имели некоторую на-

родническую окраску; но и те, и другие умеренно либеральны и вполне «благонадежны» в идеологическом отношении. В. И. Ленин, ознакомившись в конце 90-х годов с московскими программами, нашел их не интересными и не заслуживающими серьезного разбора.

Книготорговая библиография

С 60-х годов начинается быстрое развитие капитализма в книжной торговле. Рост книжной продукции, расширение емкости книжного рынка приводили к расширению книготорговой сети, в особенности в провинции. Число провинциальных книготоргующих предприятий с 1862 по 1874 год увеличивается почти в 15 раз. Наряду со старыми книготорговыми фирмами Глазуновых, Базунова, Исакова возникают крупнейшие предприятия М. О. Вольфа, А. Ф. Маркса, И. Д. Сытина, А. С. Суворина. Характерной чертой 60—80-х годов является организация просветительских издательств: К. Т. Солдатенкова, Ф. Ф. Павленкова, Л. Ф. Пантелеева и других, сыгравших большую роль в развитии русской культуры.

Конкуренция между книготорговыми фирмами побуждала их владельцев издавать в целях рекламы каталоги своего ассортимента и даже библиографические журналы и сборники. С конца 60-х до начала 90-х годов книготорговая библиография обогащается несколькими замечательными трудами, сыгравшими большую культурно-просветительную роль. Книготорговые каталоги этого времени удовлетворяли спрос читателей на информацию о русской печатной продукции и имели для 60—80-х годов такое же значение, какое в 20—40-х годах имели каталоги платных публичных библиотек при книжных лавках.

Для составления книготорговых каталогов крупнейших фирм приглашались видные библиографы этого времени. Владелец одного из первых в России крупнейших книготорговых предприятий И. И. Глазунов поручает составление своего каталога известному библиографу и историку литературы П. А. Ефремову (1830—1907). В 1867 году вышла «Систематическая роспись книгам, продающимся в книжном магазине Ивана Ильича Глазунова в С.-Петербурге...». Этот каталог, охвативший русские книги за 1855—1866 годы, был выдающимся трудом, значение которого выходило далеко за рамки торговой биб-

лиографии. Работа эта была предпринята Ефремовым как научно-библиографический труд, весьма далекий от каких бы то ни было коммерческих целей, и только отсутствие средств на издание заставило составителя принять предложение Глазунова выпустить его в виде книготоргового каталога. Ефремовым же были составлены первое и второе прибавления к каталогу, в которых учет русской книжной продукции доведен до 1873 года.

Материал этого каталога был гораздо шире книжного ассортимента магазина Глазунова.

Конкурент Глазуновых А. Ф. Базунов примерно в это же время приглашает для составления своего каталога известного библиографа В. И. Межова (1830—1894). «Систематический каталог русским книгам, продающимся в книжном магазине Александра Федоровича Базунова...» (1869) и шесть прибавлений к нему, составленные Межовым, отразили русскую печатную продукцию 50-х — середины 70-х годов XIX века.

Уступая ефремовским работам в отношении полноты и точности, каталоги Межова отличаются интересными нововведениями. Так, он впервые включил в книготорговые каталоги указания на рецензии и критические статьи, касающиеся книг, помещенных в каталоге; рецензий было собрано до 20 тысяч, из периодических изданий с 1825 по 1874 год. Этот новый прием был восторженно встречен читателями и прессой. Начиная со 2-го прибавления, кроме традиционного алфавитного указателя имен авторов Межов вводит «Азбучный указатель предметов». Правда, составленные лишь по заглавиям книг, эти указатели весьма поверхностно, а иногда и неверно отражали их содержание, но зато способствовали популярности каталогов. Такой метод эффективной, но неглубокой работы был характерен для Межова, первого библиографа-профессионала, и позволял его трудам успешно соперничать с серьезными научно-библиографическими работами.

За последующие годы Межовым были составлены каталоги фирмы Я. А. Исакова как прибавления к каталогам Базунова и третье — пятое прибавления к росписи Глазунова. Таким образом, библиография русских книг была доведена до 1888 года.

Работы П. А. Ефремова и В. И. Межова были, в сущности, общей библиографией, охватившей русскую книж-

ную продукцию более чем трех десятилетий, и лишь по форме являлись книготорговыми каталогами.

Каталоги своих магазинов издавали и другие крупные книготорговые фирмы: М. О. Вольфа (за 50 лет, с 1830 по 1880 год), А. С. Суворина (за 20 лет, с 1878 по 1901 год) и др. Это, однако, была уже узкоторговая, коммерческая библиография. Текущая книготорговая библиография нашла место и на страницах библиографических журналов, издававшихся некоторыми фирмами.

К 90-м годам XIX века значение общей книготорговой библиографии заметно снижается. При огромном росте печатной продукции уже ни одна торговая фирма не могла охватить всей книжной продукции. Информацию о вновь выходящих книгах пытались наладить Русское общество книготорговцев и издателей, печатая списки новой литературы в своем журнале «Книжный вестник» (1884—1916), но они не были ни регулярными, ни полными. В связи с появлением специализированных издательств возникает отраслевая книготорговая библиография. Так, фирма К. Л. Риккера специализировалась на издании книг по медицине и естественным наукам; издательство А. Ф. Девриена выпускало сельскохозяйственную литературу, книги для детей и богато иллюстрированные издания по естествознанию и географии и т. д. Естественно, что каталоги этих фирм отражали только специфическую для них печатную продукцию и не играли уже больше роли источников информации обо всех русских книгах, как это было ранее.

Специальная библиография

Развитие капитализма, рост науки и культуры, подготовка и проведение буржуазных реформ вызвали поток литературы по различным общественно-политическим, естественнонаучным, сельскохозяйственным и другим вопросам. Вся эта масса литературы нуждалась в библиографировании. Библиография этого периода отличается разнообразием тематики, форм и жанров.

Подготовка и проведение крестьянской реформы вызвали к жизни ряд указателей, первым из которых была «Библиография статей по вопросу об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян», печатавшаяся в «Современнике» в 1858—1859 годах. Капитальный труд Межова «Крестьянский вопрос в России» (1865) охватил ли-

тературу за целое столетие. Продолжением явился указатель «Земский и крестьянский вопросы» за 1865—1871 годы (1873). Подготовка и проведение судебной реформы вызвали напряженный интерес общества к вопросам права, и несколько журналов опубликовали на своих страницах библиографические указатели по вопросам правоведения.

Развивающаяся промышленность способствовала развитию технической мысли и изданию соответствующей литературы. Появляются первые библиографические указатели по отраслям народного хозяйства, наиболее актуальным в это время, — по горному делу, нефтепромышленности, железнодорожному строительству. В 90-х годах возникают попытки издания библиографических журналов, посвященных технической литературе; некоторые технические периодические издания публикуют на своих страницах библиографические труды. Однако значительного развития библиография технической литературы в дореволюционной России не получила.

В 70-х годах XIX века происходит становление библиографии естественнонаучной литературы, создание которой является делом русской научной общественности. Огромную помощь русской науке оказывали, в частности, ежегодники Киевского общества естествоиспытателей — «Указатель русской литературы по математике, чистым и прикладным естественным наукам», выходявшие в 1872—1891 годах под редакцией известного химика Н. А. Бунге*. С 80-х годов налаживается регулярная библиография геологической литературы. В 80-х же годах прочно становится на ноги библиография сельскохозяйственной литературы, регистрируемая в ежегодниках министерства земледелия.

На протяжении всей второй половины XIX века весьма актуальной, волновавшей лучших людей России, была проблема народного образования. Библиография этого вопроса представлена большим количеством обзоров и указателей в журналах, а также и отдельно изданными трудами.

Библиографией исторической литературы много и плодотворно занимались сотрудники Библиотеки Акаде-

* Продолжение этого издания выходило в 1901—1913 годах под редакцией зоолога В. К. Совинского.

мии наук братья П. П. и Б. П. Ламбины. Составленные ими ежегодники «Русская историческая библиография», вышедшие в 1861—1884 годах, охватили очень полно литературу за 1855—1864 годы и отличались высокой библиографической культурой. Продолжением их явился капитальный труд Межова «Русская историческая библиография за 1865—1876 годы» в восьми томах (1882—1890), уступавший ежегодникам Ламбиных по качеству обработки материала, но зато снабженный огромным и детально разработанным вспомогательным указателем. Кроме книг здесь помещены сведения о многочисленных критических и полемических материалах. Еще обширнее был незаконченный труд Межова «Русская историческая библиография за 1800—1854 годы».

В течение двадцати с лишним лет Межов выпускал ежегодники «Литература русской географии, этнографии и статистики» (9 томов, 1861—1883), получившие высокую оценку современников.

Капитальными работами представлена и историко-литературная библиография этого времени; среди них выделяется «История русской и всеобщей словесности» Межова, где охвачены в очень широких тематических границах произведения печати 1855—1870 годов (1872). Сюда, в частности, включены и библиографические указатели, вне зависимости от их тематики, что сделало этот труд продолжением работы Геннади «Литература русской библиографии».

Характерно, что в создании специальной библиографии, как правило, не принимали участия правительственные учреждения (исключение составляли библиография сельскохозяйственной литературы, издававшаяся министерством земледелия и государственных имуществ, которое было заинтересовано в развитии помещичьих и кулацких хозяйств, и геологическая библиография). Ведущую роль в создании библиографии естествознания и народного образования играли общественные организации — общества естествоиспытателей, комитеты грамотности, общества распространения технических знаний. Существенно способствовали публикации специальных библиографических работ Русское географическое общество, Вольное экономическое общество и другие научные организации. Многие специальные библиографические труды были созданы по инициативе и силами

ученых, педагогов, врачей, юристов, инженеров. Наконец, в этой области трудились и профессиональные библиографы.

Яркой фигурой, оставившей заметный след в развитии специальной библиографии, был уже не раз упоминавшийся В. И. Межов, автор многочисленных капитальных трудов, в которых нашли отражение основные вопросы, волновавшие русское общество. Умеренный либерал, с восторгом относившийся к буржуазным реформам 60—70-х годов, Межов всей своей деятельностью служил развивавшемуся русскому капитализму.

Работы Межова отличаются огромным размахом. Это большей частью многотомные труды, включающие тысячи названий. Отраслевые, тематические и персональные указатели Межова были, в сущности, отдельными частями общей библиографии книг и журнальных (в некоторой мере и газетных) статей XIX века, которые он собрал в своих картотеках; материал из этих картотек неоднократно повторялся Межовым в разных указателях.

Первый библиограф-профессионал, живший заработком от библиографических трудов, Межов применял весьма примитивный метод составления указателей, работая почти без книг, по одним лишь каталогам и библиографическим спискам. Такой метод приводил к множеству ошибок в описаниях и в особенности в систематизации материала. Эти недостатки, впрочем, искупались злободневностью тематики. Своевременность выхода в свет его трудов, привлечение большого числа рецензий на книги, наличие вспомогательных указателей способствовали распространению известности В. И. Межова, перешагнувшей даже границы России.

Биобиблиография

Рост международного престижа русской науки и культуры, появление плеяды талантливых ученых, писателей, художников, музыкантов, деятельность которых имела огромное значение для развития русского общества, вызвали большой интерес к биобиблиографическим материалам. С конца 50-х годов и особенно интенсивно с начала 70-х годов появляется ряд работ, посвященных жизни и деятельности представителей русской науки и культуры. В некоторых из этих работ превалировал биографический материал, а библио-

графия давалась в приложениях; другие носили преимущественно библиографический характер.

К числу первых относятся биографические словари деятелей высших учебных заведений. Особенно большое значение имели словари профессоров университетов. Во второй половине XIX века русские университеты играли доминирующую роль в развитии отечественной науки, успешно оспаривая пальму первенства у Академии наук. В стенах университетов трудились виднейшие русские ученые; научные общества, организованные при университетах, сыграли большую роль в становлении демократического характера русской науки и в распространении знаний. Словари своих деятелей издавал почти каждый русский университет. Наряду с биографическими очерками в них помещались перечни трудов ученых.

Богатый биографический и биобиблиографический материал содержали капитальные работы П. П. Пекарского и М. И. Сухомлинова, посвященные истории Академии наук (П. П. Пекарский. История императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1—2. СПб., 1870—1873; М. И. Сухомлинов. История Российской академии. Вып. 1—2. СПб., 1874—1888).

В 70—90-х годах издавались также биографические и биобиблиографические труды, посвященные деятелям отдельных отраслей науки и культуры, и персональные указатели. Был создан ряд трудов по общей биобиблиографии, среди которых выделяются работы Г. Н. Геннади и Д. Д. Языкова.

«Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г.» Г. Н. Геннади содержит краткие биографические очерки и списки отдельно изданных трудов деятелей русской науки и культуры примерно за 150 лет. Раскрытие многих анонимов и псевдонимов, а также указатель анонимных книг сделали работу Геннади, несмотря на ряд пропусков и ошибок, ценным справочным изданием. Смерть Геннади помешала опубликованию всех его материалов (словарь обрывается на букве «р»)*.

* Два выпуска были изданы при жизни автора в 1876—1880 годах, третий — посмертно, в 1908 году, четвертый — неопубликованный — хранится в отделе рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Издание двух первых томов словаря Геннади за границей позволило автору включить труды деятелей русского освободительного движения, в частности А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, М. Л. Михайлова, декабристов (В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, А. О. Корниловича, К. Ф. Рылеева, А. А. Бестужева). «Словарь» дает огромное количество библиографических сведений о Пушкине, Гоголе, Лермонтове, Крылове, Ломоносове.

Словарь Геннади хронологически продолжают биобиблиографические ежегодники Д. Д. Языкова, выходявшие в 1885—1916 годах под названием «Обзор жизни и трудов покойных русских писателей...». Тринадцать выпусков этого словаря содержат материал о деятелях, умерших в 1881—1893 годах. Языков включал в свои обзоры не только отдельно изданные труды, но и журнальные публикации. Кроме произведений, принадлежащих данному автору, учитывалась и литература о нем. Работа отличается высоким профессиональным уровнем и точностью приводимых сведений. «Обзор» Языкова выдержан в объективистском духе. Критический и творческий элемент в нем выражен крайне слабо.

Особое место среди биобиблиографических трудов занимали издававшиеся в 80—90-х годах словари местных деятелей и уроженцев края.

Обширный биобиблиографический материал содержали всевозможные энциклопедии и энциклопедические словари. Особенно богат в этом отношении Энциклопедический словарь фирмы Брокгауз — Ефрон (82 полутома, 1890—1907 гг.) — одно из лучших дореволюционных изданий подобного рода.

Библиография периодики

Во второй половине века интерес к журнальным и газетным материалам еще более усилился. Текущий учет периодических изданий мы находим в «Книжном вестнике», в органах государственной библиографической регистрации и других изданиях. Однако этого было недостаточно. Интерес к прошлому русской культуры, обусловленный успехами исторической науки, явился причиной появления трудов ретроспективного плана. Самой выдающейся из них была работа А. Н. Неустроева (1825—1902) «Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг.» (1874).

Этот классический труд дает отчетливое представление о развитии русской журналистики XVIII века (за исключением выходивших в России изданий на иностранных языках). Здесь указано 138 названий периодических изданий, расположенных в хронологии их возникновения. Кроме таких данных, как название, периодичность, место выхода, редакторы, издатели, важнейшие сотрудники и т. п., приводится историческая справка и раскрывается содержание каждого периодического издания. Последнее достигается перепечаткой оглавлений каждого номера журнала.

Значительно обогатил эту работу вышедший 24 года спустя «Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703—1802 гг. и к „Историческому разысканию о них“». В указателе в общем алфавите даны имена авторов, заглавия, предметные, географические и персональные рубрики, что позволяет составить представление о круге авторов и тематике статей из журналов XVIII века. Работа Неустроева сочетала в себе как учет самих периодических изданий, так и статей из них и, таким образом, восполняла пробел в ретроспективной библиографии русской журналистики за первое столетие ее существования.

Труд Неустроева удовлетворял в некоторой мере интересы исследователей. Однако массу читающей публики больше интересовали сведения о периодике XIX века и в особенности о статьях из прогрессивных журналов. Огромное количество статей было учтено в различных отраслевых и тематических библиографиях, но нужны были и особые указатели, облегчавшие использование периодических изданий — в первую очередь журналов. В 50—80-х годах было сделано несколько попыток создания трудов такого рода.

В 1885 году вышел в свет «Систематический указатель статей, помещенных в нижепоименованных периодических изданиях с 1830 по 1884 г.» В. Попова, где были даны сведения о более чем 12 000 статей из 14 лучших журналов XIX века. Сравнительно широкую аналитическую роспись ряда популярных среди читающей публики, преимущественно прогрессивных журналов середины XIX века, давали печатные каталоги общественных и частных (платных) библиотек.

Но в целом в области ретроспективного учета статей

из периодики XIX века не было достигнуто заметных успехов. Этот пробел отчасти восполняли указатели к отдельным журналам. Так, были изданы указатели к «Современнику» за первые десять лет его существования, к «Русской старине» за 1870—1884 годы и к некоторым другим периодическим изданиям.

Краеведческая библиография

Во второй половине XIX века начинается интенсивное развитие краеведческой библиографии. Присоединение Средней Азии, экономическое освоение Кавказа и Сибири, поиски русским капитализмом новых рынков сбыта, с одной стороны, исследовательское и экспедиционное изучение России силами научных и общественных организаций, с другой, определили интерес к краеведческой литературе и ее библиографии.

В различных районах России краеведческая библиография развивалась по-разному.

В центральных районах она касалась преимущественно вопросов истории, археологии, архивистики, этнографии. Краеведческое движение здесь возглавляли археологические общества в Москве и Петербурге, а затем — организованные во многих местах губернские архивные комиссии.

Указатели по Кавказу и Средней Азии, как правило, составлялись по поручению и на средства военных или гражданских властей. Наиболее значительные из них «Bibliographia Caucasica et Transcaucasica» (1874—1875) М. М. Миансарова, созданная по заказу Военно-ученого комитета, и трехтомный систематический и алфавитный указатель к «Туркестанскому сборнику» (1878—1888) Межова.

Иной характер носила краеведческая библиография в Сибири и на Украине. Краеведческие указатели издаются здесь на средства и по инициативе общественности. Так, «Сибирская библиография» Межова (т. 1—3, 1891—1892) была издана крупным золотопромышленником И. М. Сибиряковым, известным меценатом, жертвовавшим огромные средства на исследование Сибири. Межовым же был составлен «Библиографический указатель книг и журнальных статей, относящихся до южнорусского края, за 1858—1860 годы», напечатанный в 1861 году в украинофильском журнале «Основа» и продолжав-

ший труд украинского историка А. М. Лазаревского «Указатель источников для изучения Малороссийского края».

Создание библиографии Урала было тесно связано с разносторонним изучением экономики и геологии края. Интересные работы по Пермской губернии составили, в частности, уральские краеведы Н. К. Чупин и Д. Д. Смышляев. Эти труды издавались земскими организациями, публиковались в губернских ведомостях. Инициативе земств обязано было появление краеведческих указателей и в некоторых других губерниях.

Краеведческие библиографические работы издавались в Литве, в Крыму, на Кубани. Значительную роль для развития краеведческой библиографии, особенно на Урале и на Северном Кавказе, сыграли губернские и областные статистические комитеты.

Большое краеведческое значение имели библиографические словари местных деятелей и уроженцев края, в большинстве своем относившиеся к центральным губерниям и только два — к Уралу и Украине.

Некоторое развитие получила библиография местной печати. Были составлены указатели, отражающие книги и журналы, изданные в Закавказье, в Сибири, в Привислинском крае, в Казани, Воронеже, Харькове и др. Много указателей содержания было составлено к местным периодическим изданиям.

На «окраинах» России, наиболее развитых в культурном отношении, ведется текущий и ретроспективный учет национальной печатной продукции. Попытки создания свода украинской книги сделал видный библиограф М. Ф. Комаров. Его труд «Бібліографічний покажчик нової української літератури», изданный в Киеве в 1883 году, охватывал украинскую книгу с 1798 по 1883 год (исходной датой был взят год напечатания «Энеиды» И. П. Котляревского). Текущую библиографию украинской книги вел в 1856—1858 годах Лазаревский на страницах «Черниговских губернских ведомостей».

Первый репертуар грузинской книги (с 1629 года) был составлен сотрудником Кавказского цензурного комитета Г. И. Шаншиевым (1883). Это был весьма несовершенный опыт, с множеством пропусков, однако он имел определенное историческое значение, если учесть тяжелое положение национальной книги в царской Рос-

сии. В 1868 году вышел последний том работы Напирского, посвященный латышской книге, — «Chronologische Conspect der lettischen Literatur». Mitau (1831—1862). Сюда включено около двух тысяч названий книг, в хронологическом порядке, с аннотациями и раскрытием множества псевдонимов и анонимов. К 80-м годам относится серия работ М. Станкевича по библиографии литовской печати. Появление этих библиографических указателей свидетельствовало о становлении национальных литератур, о росте книжной производительности и периодической печати народов России.

Вопросы истории библиографии

В конце 70-х годов появляются первые работы по истории библиографии, намечавшие основные вехи ее развития и отчасти пытавшиеся проанализировать ее достижения и недостатки. Так, например, общий очерк развития русской библиографии был дан Н. П. Собко в одной из глав книги «Русская библиография», вып. 2 (СПб., 1879, с. 5—24) и Ф. Т. Тарасовым в статье «Наша библиография. Историко-критический очерк» («Северный вестник», 1890, № 5, с. 205—228). Однако эти и подобные им работы имели компилятивный характер, лишены были серьезных обобщений и рассматривали развитие библиографии в отрыве от общественной жизни.

Большую ценность представляли труды, посвященные отдельным библиографам, как например, работа академика М. И. Сухомлинова «Библиограф В. С. Сопиков» («Древняя и новая Россия», 1876, № 1), статья Н. В. Губерти «А. Т. Болотов как критик и рецензент литературных произведений» («Библиограф», 1885, № 9 и 10, 1886, № 1 и 2).

С конца 60-х годов предпринимается ряд публикаций и переизданий трудов и эпистолярного наследия русских библиографов. Наиболее важными были «Материалы для истории русской литературы», изданные П. А. Ефремовым (1867) и включившие «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова и современное Новикову «Известие о некоторых русских писателях»* с комментариями составителя. Значительный

* Впервые это «Известие» было опубликовано М. Л. Михайловым в «Библиографических записках» (1861, №20)

интерес представляют опубликованные в 1883 году И. А. Шляпкиным письма крупнейшего библиографа начала XIX века В. С. Сопикова к К. Ф. Калайдовичу. В 80-х годах была опубликована большая часть писем Евгения Болховитинова и И. М. Снегирева к В. Г. Анастасевичу.